

Григорий Явлинский

Ложь и легитимность

Двадцать лет реформ

Григорий Явлинский

**ЛОЖЬ И ЛЕГИТИМНОСТЬ
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РЕФОРМ**

Москва

УДК 323/324(470)
ББК 66.3(2Рос)3
Я20

Редактор: А.В. Данилова
Корректоры: Т.В. Державец, Ю.А. Магина
Дизайн, обложка: Н.В. Белоусова
Верстка: С.А. Эрлих

Автор выражает благодарность А. Zubову, М. Краснову, А. Келину, Н. Бобринскому, Т. Черниковой, В. Уколовой, В. Когану-Ясному, С. Митрохину, В. Швыдко, С. Иваненко, Е. Диллендорф, С. Ковалеву, А. Мельникову и многим другим, кто внес вклад в обсуждение и формирование идей, нашедших отражение в этой книге.

Особая признательность Андрею Васильевичу Космынину за профессиональную помощь в подготовке этой работы.

Спасибо М. Гейликману, Г. Глаговскому, А. Малютину, благодаря которым книга увидела свет.

Г.А. Явлинский

Я20 Ложь и легитимность / Двадцать лет реформ. – М: Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО», 2011 г. – 120 с., Библ. 48 назв.

ISBN 978-5-4399-0013-8

УДК 323/324(470)
ББК 66.3(2Рос)3

Российская Объединенная Демократическая Партия «ЯБЛОКО»
Москва, 119017, ул. Пятницкая, 31/2, тел: (495) 780-30-10

Подписано в печать 29.08.2011. Формат 84×108/32.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,3. Тираж 1000 экз.

© Г.А. Явлинский, 2011
© РОДП «ЯБЛОКО», 2011

ЛОЖЬ И ЛЕГИТИМНОСТЬ

ЛОЖЬ И ЛЕГИТИМНОСТЬ¹

В этом году исполняется 20 лет России, возникшей после распада СССР. Мирный отказ от тоталитарной системы стал историческим достижением глобального масштаба. Тогда была очевидной воля общества к переменам, к строительству новой жизни, основанной на уважении к человеку, демократических принципах, свободной конкурентной экономике. Сегодня мы понимаем, что этот потенциал так и не был реализован. Надежды не сбылись.

«Уходящий» народ

Современный российский политический режим, возникший после 1991 года и оформившийся в последнее десятилетие, так и не создал современное государство.

Как следствие, продолжается непрерывно углубляющийся и превращающийся в непреодолимый раскол между властью и народом, государством и обществом.

Это не временный дефицит доверия, а системная проблема. Высокие рейтинги первых лиц – не показатель общественной поддержки власти. Огромная разница в доверии к ним и ко всем остальным государственным институтам свидетельствует о предельной неустойчивости, хрупкости всей российской государственной конструкции.

Два раза за последние сто лет совершенно неожиданно наступал быстрый и полный коллапс государства по схеме: «было, было и вдруг не стало».

¹ Впервые опубликовано 6 апреля 2011 г. на сайте радиостанции «Свобода».

Причина – не голод, не войны или репрессии, а глубокий и к моменту крушения уже непреодолимый разрыв между властью и людьми.

Наращение этого разрыва очевидно и сейчас. Социологи ищут признаки «оппозиционности», а дело заключается в другом.

Народ в России не сопротивляется государству. Дело значительно хуже – он уходит от него.

Народ не верит государству, не интересуется им, боится его, не ждет от него ничего хорошего, считает его помехой и угрозой. Народ не хочет совершенствовать государство, его убедили в том, что он ни на что не влияет и вообще в государственном смысле значения не имеет.

Народ налаживает свою жизнь вне государства. «Уходящий» народ, считая государство чужим, естественно, и не является его опорой. В критических для государства ситуациях (таких, как в 1917 и 1991 годах) это приводит к его исчезновению.

Растущие масштабы алкоголизма и наркомании, уход в виртуальный мир, преступность – всё это тоже формы бегства от лишённой перспектив действительности. Одним из следствий раскола между народом и властью является быстрая и глубокая криминализация государства. По мнению Председателя Конституционного суда Валерия Зорькина, сегодня масштаб проблемы таков, что «это вопрос о том, сохранится ли Россия в ближайшие десять лет».

Воинственный имморализм и всеобъемлющая ложь, насаждаемые в обществе, возвращение грубой официальной пропаганды привели к духовной усталости народа,

к политической и социальной апатии, «утечке мозгов» и эмиграционным настроениям.

Опросы российской молодежи показывают, что 45% выпускников ВУЗов не исключают возможности уехать, а от 18 до 24% твердо намерены добиваться отъезда из страны. Готовы покинуть страну до 30% предпринимателей. Массовый отъезд на работу за границу талантливых учёных, в том числе и молодых, подрывает потенциал российской науки. Главный мотив бегства – не низкие доходы, а невозможность жить достойно. Для 79% потенциальных эмигрантов мотивом является желание жить в условиях верховенства закона, прав и свобод, а для 69% – возможность избежать произвола властей.

Такие настроения людей вновь стали существенной частью массового сознания, они являются ярким проявлением того самого рокового разрыва.

Это – реакция на несправедливые шоковые реформы, полное игнорирование текущих и перспективных интересов людей, всех видов их прав, тотальное воровство начальства, возведенное в официальную политику, жестокий «правоохранительный» произвол и рейдерство.

Этот разрыв не ликвидировать в одночасье даже относительно честными выборами или внезапной отменой цензуры. Время упущено.

Общественное сознание расколото и хаотично.

С помощью выборов можно решать проблемы только тогда, когда по наиболее базовым основаниям и целям жизни народа, страны есть консенсус и надо выбрать, как эти общие для всего народа задачи лучше реализовать и кому это делать.

Если общество расколото, деморализовано и унижено, голосование, даже относительно честное, ничего не дает. Примеров много.

В России планка общественной дискуссии умышленно опущена очень низко. Суррогаты общественно-политических программ, которые сейчас присутствуют на федеральных телеканалах, выдержаны в стиле драки на коммунальной кухне – переорать соседа. Суть проблем выхолщивается, сводится к противостоянию упрощённо-полярных точек зрения. Интернет является альтернативой по некоторым темам, но не по глубине и стилю «дискуссии». Выборы в таких условиях превращаются в соревнование популистов и горлопанов.

В сегодняшней России нет предпосылок полноценной политической дискуссии на основе партийных программ. Сейчас возможно только препирательство отдельных персон, носителей мировоззрений разной направленности, глубины и качества, среди которых национализм, номенклатурный «просвещённый консерватизм», национал-большевистская идеология, сталинизм, который открыто исповедует руководство КПРФ, радикальный псевдолиберализм большевистского типа.

Отражением и дальнейшим поощрением этого хаоса в общественном сознании явились принятые верховной властью решения о государственной символике – самодержавный орёл с двумя головами и коронами, сталинский гимн со старо-новыми словами, а также «как бы демократический» торговый флаг – триколор.

Те, кто принимал эти решения, наверное, думают, что этот набор символов призван всех объединить или, по крайней мере, удовлетворить: ведь в нем и державный импери-

алист, и коммунист, и демократ найдут себе что-нибудь по вкусу. Однако государственная и национальная идентичность, национальное сознание – не пазл, чтобы собирать его механически.

В стране с таким отсутствием ощущения идентичности, разорванным и расколотым сознанием нельзя сделать ничего – ни модернизации, ни инновации, ни чего-либо еще полезного.

С народом, преданным и развращенным его элитой, можно только дожидаться окончательного распада.

Ложь как основа государства

Главной политической проблемой нашей страны является не уровень и качество демократии или защиты свобод и прав граждан, как это принято считать, а неограниченная и тотальная ложь в качестве основы государства и государственной политики.

И причина здесь не просто в личных качествах первых лиц – Ельцина, Путина или Медведева: уже с момента октябрьского большевистского переворота 1917 г. российское государство построено на лжи. Ложь стала необходимым элементом государственной системы, которая уже более десятилетия является нелегитимной и должна это всячески скрывать.

Ложь – органический элемент современной эклектической государственной системы, желающей сохранить свою историческую связь и с советским режимом, и с умершим самодержавием, и с современным миром. Это можно пы-

таться делать только путем непрерывной и всеохватывающей лжи.

Корень этой проблемы в катастрофе, но не геополитической, а национальной.

Почти сто лет – время жизни нескольких поколений – у нас прошли на основе полного разрыва с правом и законом, стирания национальной идентичности.

Корень в том, что сегодняшняя политическая система России в историческом плане ведет свое начало от трагических событий 1917-1920 гг. – государственного переворота, захвата власти группой преступных элементов и кровавой гражданской войны. Именно отказ от осознания этого факта и попытка построения якобы постсоветской России на ощущении преемственности и вбирании в себя лжи предыдущих 75 лет, делает в принципе невозможным движение вперед и предопределяет деградацию общественного сознания. Это тупик. Выйти из него можно, только обеспечив минимально необходимую легитимность государства и власти, прерванную почти столетие назад, и восстановив на этой основе логику исторического развития страны.

Ни ленинизм, ни сталинский национал-большевизм, ни формальная демократия так и не стали достаточно серьёзными «подпорками», чтобы псевдогосударство смогло отказаться от своих главных оснований – лжи и террора, чтобы хотя бы попытаться не бояться граждан, а добиться их поддержки не по принуждению.

Страна попала в порочный круг: не отказавшись от лжи, нельзя провести сколько-нибудь эффективные реформы, а отказ от лжи угрожает системе в целом.

Не решив эту задачу, оставаясь на почве тотальной исторической лжи, Россия никогда не сможет создать ни современное работоспособное государство, ни эффективную конкурентную экономику. Задача, которую надо решать – восстановление легитимности власти, прерванной почти столетие назад, и логики исторического развития страны.

Учредительное собрание как неиспользованный шанс

Самодержавная легитимность, основанная на идеях божественного происхождения царской власти и безусловного подчинения подданных, исчерпала себя еще в начале XX века. Это не означало обязательного конца монархии, но идея её конституционного ограничения вызрела, стала естественным результатом развития общества, общественного и индивидуального сознания, которое в России XIX – начала XX века шло особенно активно после Великих реформ 60-х годов XIX века.

Моральное давление политической элиты и рост недовольства народа привели к отречению Николая II.

Вопроса «что дальше» после отречения не было. Практически всем было понятно, что дальше – Учредительное собрание, которое разработает и примет Конституцию. Учредительное собрание должно было легитимировать демократическую форму правления. Сами по себе выборы в Учредительное собрание – всеобщие, прямые, равные, с предоставлением равного права голоса женщинам – демонстрировали политический вектор, резкое отклонение от которого тогда казалось невероятным.

Это был шанс на мирную политическую трансформацию; шанс предотвратить гражданскую войну; шанс на то, чтобы ключевые вопросы тогдашней России – земельный, национальный, о войне и мире, решались с помощью демократических механизмов, в правовом поле; на то, чтобы принятые решения были легитимными. Шанс был реальным.

Более 44 миллионов человек в не самых простых с житейской точки зрения условиях участвовали в выборах, тем самым продемонстрировав и самим себе, и всему миру легитимность перемен в государственном устройстве и значение Учредительного собрания для России.

Даже большевики осуществляли государственный переворот под лозунгом защиты Учредительного собрания. Совет народных комиссаров, созданный декретом от 26 октября 1917 года, назывался «временным рабочим и крестьянским правительством», осуществлявшим власть «до созыва Учредительного собрания». Декрет о земле начинался с заявления о том, что земельный вопрос «во всем его объеме может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием».

На выборах в Учредительное собрание, состоявшихся в ноябре 1917 года, 410 из 721 мандата получили эсеры, 175 – большевики. Кадеты получили 29 мест, меньшевики – 16.

Проиграв выборы, большевики 6 января 1918 года разогнали Учредительное собрание.

Разогнав Учредительное собрание, большевики свергли легитимную власть и толкнули страну на путь гражданской войны. Поскольку власть большевиков не имела легитимных оснований, постольку с самого начала они не могли

обходиться без террора и лжи. Красный террор фактически начался сразу после взятия власти большевиками.

Победу в гражданской войне большевики одержали, во-первых, потому, что в принципе не имели моральных ограничителей и возвели террор и жестокость в принцип. Во-вторых (и это важно с точки зрения вопроса о легитимности), после разгона Учредительного собрания их власть политически выражала имевшую широкую поддержку идею социализации земли и её передачи крестьянству. Однако насильственная коллективизация 30-х, сопровождавшаяся уничтожением крестьянства как носителя чуждого большевикам сознания, по существу перечеркнула все надежды социальной группы, составлявшей большинство населения страны.

Ложь и террор стали системообразующими элементами государства.

На таких основаниях страна существовала до самого конца 80-х годов прошлого века. Демократическое меньшинство, избранное в 1989 году на первых за годы советской власти выборах с выбором (хотя и ограниченным), было заметнее и авторитетнее «агрессивно-послушного большинства» не только потому, что было представлено яркими людьми – такими, как А.Д. Сахаров, – но и потому, что именно эти депутаты, избранные вопреки воле власти, воспринимались как по-настоящему легитимные народные представители. Однако эта легитимность была основана на отрицании: демократ – это, прежде всего, «не коммунист» (не в смысле наличия партбилета, а по отношению к власти и ситуации в стране). Так можно бороться с властью и за власть, но построить на отрицании новую государственность невозможно.

Нереформируемая система

В 90-х проблема позитивной демократической легитимности власти так и не была решена.

Попытка реформировать советскую систему, путём поправок сделать номинальную (никогда не работавшую) Конституцию РСФСР действующей, а систему Советов совместить с принципом разделения властей закончилась событиями сентября-октября 1993 г.

Конституция 1993 года была составлена на злобу дня, обществом не обсуждалась, а обстоятельства организации референдума по её одобрению и подсчёта полученных голосов до сих пор вызывают очень серьёзные сомнения в ее принятии.

Легитимность политической системы 90-х была подорвана и этими обстоятельствами, и тем, что демократия осталась имитацией, не совпадающей с антидемократической олигархической «начинкой» власти. К старой лжи присоединилась новая – миф о неизбежности именно такого характера реформ; о том, что Ельцин и Гайдар в 1992 спасли страну от голода.

В самые «либеральные» годы члены царской семьи упорно не признаются жертвами политических репрессий, а станция метро Войковская, названная в честь человека, участвовавшего в хладнокровном убийстве царской семьи, в которую входили двенадцатилетний мальчик и четыре девушки, так и не поменяла своего названия, многие архивные материалы остаются закрытыми, празднуется «День чекиста» и т.д., и т.п. Все это – не просто слова и листки календаря, а целая цепь ассоциаций, логических

связей, стандартов мышления, сковывающая современную систему с ее советской предшественницей. В результате сохранился и даже укрепился стиль жизни, в котором ложь и двоемыслие остаются среди системообразующих элементов. В политике возникло и укрепилось господство циничной «политической целесообразности», коррупция, управляемые выборы и медиа-войны.

Чем больше проходит времени, тем более значимой проблемой представляется абсолютная противоречивость и эклектичность представлений новой российской власти о том, какое историческое наследство лежит в ее основе. Государство, провалившее экономическую реформу, ответственное за резкое падение уровня жизни абсолютного большинства населения, стало сознательно заигрывать с «державной» составляющей национального сознания, в которой царско-имперские элементы причудливо сочетаются с советско-имперскими.

Не случайно в качестве герба новой российской республики был утвержден имперский двуглавый орел с коронами. По смысловой нагрузке он делал Россию конца XX – начала XXI века преемницей идеально-мифической «России, которую мы потеряли», России естественно ушедшего с политической сцены самодержавия, «конфетно-бараночного» лубочного образа прошлого.

Этот идеал не прижился, но проложил дорогу другому, советскому утопическому идеалу. Имперский орёл, в конце концов, «притянул» к себе тяжеловесный советский гимн, который с этим орлом очень хорошо сочетается. Примерно так же, как путинская олигархическая система с ельцинской.

Кроме того, в 90-е годы проблема так и не преодоленного разрыва легитимности была отягощена тотальной конфискационной реформой, широкомасштабной ваучерно-приватизационной аферой государства, охватившей всё население страны, и нелегитимностью крупной частной собственности, розданной на основе коррупционных схем через так называемые «залоговые аукционы».

Время свободы СМИ так и не настало, потому что без лжи как системы возникшая после крушения советской системы власть жить не может.

Сейчас очевидно, что новый политический строй, основанный на конституции 1993 года и возникший на основе реформ 90-х годов, стал за последние десять лет формой закрепления власти номенклатуры советского типа в новых экономических условиях, чем-то провинциальным и доморощенным – эдаким «капиталистическим чучхе» или «демократией процветающей дисциплины».

Этот строй по-прежнему основан на лжи, страхе, коррупции, которые со временем только нарастают, поскольку не выполнено ни одно из условий создания современного государства:

- легитимный институт частной собственности, опирающийся на массового собственника, так и не создан;
- равенство граждан перед законом отсутствует;
- вместо суда и арбитража – имитация, прикрывающая господство «права сильного»;
- власть является не общественной функцией, а инструментом личного и группового обогащения.

По сути, вместо государства мы имеем сегодня обёртку системы, способную только имитировать государственную деятельность.

Задачи обеспечения безопасности граждан, обороноспособности страны, единства многонационального государства с огромной территорией, экономического и социального развития в таких условиях не могут решаться в принципе. Главная же проблема заключается в том, что в таких условиях не может складываться, функционировать и развиваться целостное жизнеспособное российское общество.

Думаю, что ситуация, сложившаяся к весне 2011 года, стала угрожать самому существованию России.

Власть теряет остатки даже формальной демократической легитимности, систематически фальсифицируя выборы. За «ЕР» голосуют не потому, что поддерживают, а потому, что людям безразлично и так положено. Явка падает. Роль Конституции систематически снижается грубыми вмешательствами в её текст, такими как отмена прямых губернаторских выборов или продление сроков полномочий президента и парламента.

Новые попытки заместить вакуум мессианскими, державно-имперскими идеями даже в модернизированном виде (претензии Москвы на роль мирового финансового центра) оказываются безнадёжными, и это очевидно. Ложь и ее пропаганда остаётся системообразующим фактором. Политическое мышление застыло на уровне начала прошлого века. Нет однозначного осуждения государственного террора, постоянно предпринимаются попытки найти ему какое-то оправдание в духе «Realpolitic». Рамки советского внешнеполитического мышления затрудняют развитие та-

ких прорывных проектов, как российско-европейская ПРО. Большинство «элиты», обсуждая эту тему, думает не о будущем, а о прошлом.

Первопричина ситуации, грозящей национальной катастрофой – характер и особенности российской политической системы. Ее основа – бюрократическая номенклатура, подменившая собой политическую и бизнес-элику, сконцентрировавшая в одних руках власть и собственность, склонная выполнять только одну функцию власти – охранительную.

Охранительный курс – путь не к стабильности, а к загниванию или дестабилизации. Его слабость – отсутствие внятной концепции государства, понимания перспективы развития страны, а следовательно – возможности предложить обществу заслуживающий доверия и интереса план модернизации.

Политически безразлично, кто будет определен и оформлен президентом: Путин, Медведев или кто-нибудь другой. Главное, что система останется неизменной – нелегитимной, политически и экономически неэффективной, унижительной и несправной для граждан. Российская политическая система – это имитация современной государственности, «потемкинская деревня», состоящая из псевдоинститутов, постоянно и грубо фальсифицируемых процедур. В жизни общества отсутствует подлинность, она заменена бесконечными «симулякрами». Вместо разнообразия мнений и стилей – тандем; вместо модернизации – Сколково, игры и чемпионаты; вместо многопартийности – скучнейшие кремлевские проекты и нарочито лишаемая свежих идей протестная «улица», которая замещает диалог власти с гражданами по самым актуальным

вопросам гражданских свобод, коррупции, судебного произвола мелочной административно-милицейской войной с профессиональными протестантами и протестными «героями». В итоге подлинными, реальными являются только воровство и пропасть между гламурной денежно-властной номенклатурой и бесправными обычными людьми. Ну кому такое понравится?

Торжество симулякров делает вопрос о будущем страны предельно обоснованным. Дисбаланс в политике, праве, социальном положении граждан, промышленности и инфраструктуре через какое-то время могут обернуться такими последствиями, которые намного превзойдут потрясения 1991 года. Необходимо принципиальное, качественное изменение этой системы.

Исторически тщетны попытки реализовать концепцию «сырьевой державы», «суверенной демократии», опирающейся на богатство собственных недр и глобальный спрос на ресурсы. Однобокое, преимущественно сырьевое развитие экономики, отказ от признания неприкосновенности частной собственности, государственный налоговый рэкет, неразрешимость проблемы создания современных производств не только тормозят экономический прогресс России, но и подрывают ее перспективу. При сохранении этих давних и новых, приобретенных за последние 20 лет, пороков Россия становится экономически уязвимой, а в смысле дееспособности и эффективности государственной власти – немощной страной.

Вполне можно предложить профессиональную программу экономических реформ, направленных на создание в России современной диверсифицированной инновационной

высококонкурентной рыночной экономики, позволяющей в ограниченный временной период вывести Россию в число экономически развитых стран мира, решительно повысить уровень и качество жизни в стране, переломить негативные демографические тенденции.

Однако события последних пятнадцати лет убедительно показали, что в условиях современного российского политического режима, в силу его неправовой природы и бесконтрольности модернизация невозможна в принципе, как невозможно и создание конкурентоспособной рыночной экономики.

Нынешняя система неререформируема. Многочисленные программы ее улучшения, в частности Стратегия «Россия 2020», подготовленная ИНСОРом «Стратегия 2012» и некоторые другие, содержат тактически содержательные сообщения, но стратегически в этом смысле лишь напоминают усилия по совершенствованию хозяйственного механизма в Советском Союзе в 60-80-е годы прошлого века. Важно понимать, что, во-первых, половинчатые решения будут работать плохо, или же не будут работать вообще, лишь компрометируя сами себя, а во-вторых, невозможно, дожив до второго десятилетия 21-го века, вернуться в начало 1990-х годов, чтобы предпринять «вторую попытку» того развития, которое не состоялось.

Легитимность

В такой системе власти ее руководители по существу не легитимны, они не опираются на Закон и Конституцию.

Легитимность власти обеспечивается процедурой, историческим народным признанием, реальными достижениями. Легитимность русской монархии была связана с верой в процедуру помазания на царство.

Советская власть, изначально абсолютно нелегитимная, временами частично принималась народом, так как ассоциировалась с многочисленными подвигами и созидательными достижениями советских граждан, осуществленными главным образом не благодаря, а вопреки противоправной системе, и не давшими этой системе разрушиться до времени.

У сегодняшней системы нет по-настоящему законных процедур и мало созидательного в собственном историческом активе, такого, что могло бы обеспечить ей надежное историческое, народное признание. В заслугу ей можно разве что поставить только то, что, имея возможность дать ход самым мощным разрушительным и репрессивным импульсам, ее лидеры этого не сделали. Но этого недостаточно для исторического оправдания системы. Эта система за уже очень многие годы своего существования не нашла полноты своей правовой и исторической легитимации и сейчас требует фундаментальных изменений.

Нелегитимность нынешней российской власти и ее авторитарной политической системы, имитирующей демократию, по существу, означает, что ее можно рассматривать не как выразителя интересов народа и его представителей, а как систему, обеспечивающую материальные и политические интересы круга приближенных к власти людей.

И тем не менее принципиально выступая против всех форм насилия, нужно вести диалог с этой властью, напри-

мер, в форме круглого стола, то есть искать компромиссные и промежуточные решения.

Но при всём этом, главной целью должно быть кардинальное изменение политической системы – создание в России правового государства, основанного на международных стандартах прав и свобод человека, сменяемости власти при помощи свободных и справедливых выборов, независимости правосудия, неуклонного соблюдения прав частной собственности.

Задача состоит в том, чтобы достичь всего этого мирно и созидательно, не унижая ничье человеческое достоинство.

Надо сделать всё, чтобы выход из сложившейся ситуации не выходил за рамки гражданского мира и осуществлялся эволюционным путем.

Стратегия и тактика круглого стола, состав его участников и многое другое, связанное с этим, – тема для отдельного разговора.

Но одна из важных целей такого диалога – принятие на государственном правовом уровне решения о восстановлении российской государственности, разрушенной переворотом 1917 года и разгоном Учредительного собрания 6 января 1918 года, как точки правового отсчета. Необходимо продолжить и завершить политическую трансформацию, начатую весной 1917 года и прерванную антигосударственным переворотом.

Учредительное собрание может стать фундаментальным событием в построении современного российского государства.

Именно Учредительное собрание (в частности, в форме Конституционного собрания, как это предусмотрено в дей-

ствующей Конституции) способно восстановить подлинную российскую государственность. Задача в том, чтобы каждый гражданин (за исключением законченных маргиналов) чувствовал себя причастным к этой работе либо непосредственно, либо через своих представителей – не придуманных, как те, кто сейчас заседает в Думе и Общественной палате, а реальных и легитимных.

Речь, конечно, должна идти именно о демократической легитимности.

Нет ни малейшего сомнения в том, что Учредительное собрание 1917 года решило бы именно эту задачу. Соображения об Учредительном собрании – не первое публичное высказывание на эту тему. Но именно сейчас нужен шаг, направленный на то, чтобы предложить непосредственно обществу возможность открытой и широкой дискуссии по такого рода вопросам.

И важно, чтобы было понятно: балаганизация идеи российского Учредительного собрания XXI века – это окончательная утрата шанса на развитие, прямой путь к продолжению застоя, загниванию и, в конце концов, к той или иной форме распада.

Понятно, что подготовка Учредительного собрания будет очень сложной и длительной. Необходим масштабный процесс осмысления сложившегося к настоящему времени положения России, ее геополитического места в мире, а следовательно, широкое обсуждение проблем государственности и особенностей российской экономической системы. Повторить механически опыт 1917 – 1918 годов невозможно, и попытки проводить аналогии представляются неуместными. Но обойтись без тако-

го серьезного институционального поворота вряд ли удастся.

Мирное продвижение к Учредительному собранию должно представлять собой такой политический процесс, который бы сам по себе фактически частично легитимировал российскую власть, даже оставаясь в рамках нынешних конституционных основ.

Теоретически это возможно, но для этого на основе действующей Конституции должны быть приняты радикальные демократизирующие нормы, направленные на обеспечение равенства всех перед законом, независимости правосудия, ограничение исполнительной власти, решительного отделения бизнеса от власти, ликвидацию безответственных чиновничьих систем мнимой «стабильности», коррупции и бездеятельности, номенклатурных политических надстроек, на развитие парламентского и гражданского контроля, прекращение формирования политики и правовой системы по «понятиям», формирование внятного геополитического курса, полный отказ от политики самоизоляции и государственного выживания за счет сочетания отсталости с военным ресурсом. Иначе говоря, российская власть должна приобрести качественно иную репутацию и создать предпосылки своей легитимности на репутационном уровне.

В то, что такое может произойти в обозримой перспективе, очень мало кто верит. Однако отказ от такого процесса ведет к тому, что перемены в будущем окажутся еще более радикальными и, скорее всего, разрушительными. Именно поэтому, несмотря ни на что, надо активно работать над реализацией ненасильственного и созидательного варианта.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РЕФОРМ

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РЕФОРМ – ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ?² (российское общество как процесс)

Сегодня в самых разных социальных группах нарастает разочарование и ощущение бесперспективности.

Это – ощущение, которое русский культуролог и публицист Евгений Трубецкой в начале прошлого века описывал словами: «Попытка подвести итоги первому десятилетию XX в. переносит нас в атмосферу известной народной сказки. Сиденье над разбитым корытом всегда предрасполагает к философским размышлениям. Естественно, возникает вопрос, почему оно разбито, почему вообще рухнула одна за другой все наши радужные мечты? Еще так недавно терема и дворцы были близки к осуществлению. Почему же теперь даже светлая и просторная изба кажется нам недосягаемым счастьем?» [Трубецкой 1911, с. 190].

То, что обсуждается в СМИ в качестве «проектов будущего», на деле обращено в прошлое. Это либо возвращение к той или иной форме советской модели («кремниевая долина» в Сколково – воспроизводство советского опыта от «шарашек» до наукоградов), либо мечтания о 90-х как о «времени возможностей».

Краткая характеристика сегодняшней России – период «периферийного капитализма». Эта система сформиро-

² Статья является изложением доклада Г.А. Явлинского на пленарной сессии Ежегодной конференции «Социология в мире коммуникаций: инновационные подходы» – 11 декабря 2010 г., опубликована в соавторстве с к.и.н. А.В. Космыниным в журнале «Мир России» № 2, 3; 2011 г.

ванная в 90-е годы обладает определенной устойчивостью, но в динамичном мире XXI века она обрекает страну на безнадежное отставание, а при определенных условиях может привести к серьезным потрясениям. Многим это понятно, однако в последние 10 лет система периферийного капитализма активно закреплялась. Персональные изменения во власти, трансформация политического ландшафта, «антиолигархические» кампании, рост цен на нефть, повлекший рост доходов населения, только укрепили ее основы.

Путь к созданию современной эффективной социально-экономической системы лежит через преодоление разрыва между обществом (народом) и государством, воссоздание российского государства на качественно новой основе.

Мы предлагаем анализ причин сегодняшнего положения страны и «дорожную карту» российской модернизации.

ЧАСТЬ 1.

Экономические реформы в России – что получилось?

Говоря о двадцатилетии, которое в общественном сознании устойчиво ассоциируется с понятием «рыночные реформы», прежде всего, необходимо признать, что экономические реформы (или, во всяком случае, то, что за них выдавалось) привели к результату, отличному от общественных ожиданий, а также от целей, провозглашавшихся инициаторами и сторонниками общественных перемен. В данном случае мы не имеем в виду количественные параметры – темпы экономического роста, инфляцию, уровень и качество потребления и т.п., хотя и они, безусловно, имеют важное общественное значение. Все же более важными представляются качественные задачи и цели, в первую очередь создание в стране новой социально-экономической системы, поскольку в долгосрочном плане именно она – эта система – определяет и степень динамизма экономики, и уровень жизни населения, и перспективы решения основных общественных и экономических проблем.

Так вот, экономическая система в России в результате реформ 1990-х гг., безусловно, кардинально изменилась по сравнению с советским периодом. В то же время сформировавшаяся новая система коренным образом отличалась не только от советского планового хозяйства, но и от первоначально провозглашенных целей и ориентиров. В принципе, то, что при реформировании общества реальность может в

итоге отличаться от первоначальных планов – нормально и естественно. В конце концов, экономика – это не физика, и точное прогнозирование, не говоря уже о планировании, здесь в принципе невозможно. Проблема заключается в том, что в нашем случае расхождения имеют очень глубокий, принципиальный характер.

Что первоначально задумывалось – общеизвестно: конкурентная рыночная экономика с ясными и прозрачными правилами игры, обеспечивающая эффективное распределение и использование ресурсов, быстрый и устойчивый экономический рост, равновесие в отношениях с внешним миром при разумной степени открытости экономики и стабильную финансовую систему, включающую в себя прочную бюджетную систему, устойчивую полноценную национальную валюту и динамичный банковский сектор. Разумеется, реализация этой цели предполагала определенную этапность – не все и не всегда должно было получиться быстро и с первой попытки, но в целом уже в течение нескольких лет предполагалось сформировать прочные основы для экономики вышеописанного типа.

Что же получилось? Подробнее мы это сформулируем чуть позже, а пока можно сказать – возникла система принципиально иного характера, в которой в масштабе экономики в целом не была реализована ни одна из названных основных характеристик. В стране не сложились условия для эффективной внутри- и межотраслевой конкуренции; не создан механизм рыночной концентрации и накопления капитала у эффективных фирм; не сформировался необходимый набор стимулов для эффективного производительного использования ресурсов; не выстрое-

на система прозрачных и соблюдаемых всеми основными участниками правил экономической игры. Мы назвали здесь только самые базисные вещи – вообще же список не-реализованных условий может быть очень длинным. Так, в российской экономике по большому счету отсутствует механизм стимулирования эффективного роста: в течение пяти лет после начала реформ в экономике наблюдался спад производства, но и после его окончания механизм роста работает слабо и дает постоянные сбои. Структура хозяйства (как отраслевая, так и структура используемых ресурсов) не только не улучшается, но и (в качестве тенденции) скорее регрессирует. Доля накопления осталась на очень низком для растущего хозяйства уровне (порядка 20%), а размер инвестиций, которые экономика способна генерировать и переварить, – более чем скромным. В стране так и не сформировалась ни полноценная национальная денежная система (не секрет, что рубль сегодня выполняет функции скорее вспомогательной, чем единственной или хотя бы основной денежной единицы), ни банковская система, способная выполнять свою главную функцию – финансировать эффективные инвестиции³.

³ Важно отметить, что обоснованные предположения о неудаче реформ и весьма точные прогнозы о том, что планы и практика российских реформаторов создают полукриминальную систему «не зарождающегося, а вырождающегося капитализма», были сформулированы уже в самом начале реформ – в марте 1992 г. См., например, публикацию профессора О.И. Шкаратана «Отчет российскому правительству от международной группы советников по социальным и политическим проблемам экономических реформ и структурных преобразований в России» [Кардозу, Карной, Капельс, Коэн, Турен 2010]. Можно только сожалеть, что эта блестящая работа стала известна только недавно. См. также аналогичный анализ, проведенный одним из авторов настоящей статьи [Явлинский и др. 1992].

Это не означает отсутствия в созданном какого бы то ни было позитива. Отказ от советской системы и тоталитарного государства есть громадный исторический шаг вперед. И все же мы не склонны рассматривать итоги двух десятилетий реформ как успех. В первую очередь потому, что в список нереализованных задач попали слишком важные со всех точек зрения вещи, чтобы списать их как неизбежные издержки или малозначимые отступления от первоначального плана.

Почему так произошло?

Если рассматривать проблему с традиционно экономической точки зрения, то можно выделить несколько «слоев» различных факторов или причин, в итоге сделавших неизбежной неудачу предпринятой в 90-е гг. попытки в исторически короткие сроки реформировать советскую экономику. Можно, в частности, отметить здесь четыре группы причин разного порядка.

Во-первых, недопонимание того, от чего мы, собственно, пытались уйти, то есть природы советской экономики.

Во-вторых, ошибки, допущенные при определении содержания и последовательности мер экономической и социальной политики.

В-третьих, это то, что истинные интересы и мотивы власти по большому счету не были связаны с декларировавшимися целями создания прозрачной и конкурентной рыночной экономики и обеспечения минимальной социальной защиты населения.

И наконец, **в-четвертых** (и это подход к самому глубинному слою, которому и будет посвящена значительная часть статьи), способы и методы ведения реформ, то, как они осуществлялись, как полностью игнорировались не только особенности объекта реформ, но и их субъекта, его историческая и культурно-психологическая составляющая.

Коротко проанализируем первые три группы причин⁴, а четвертую – рассмотрим особо.

Игнорирование реалий советской экономической системы

Итак, первое: в чем заключалась неадекватность восприятия экономики советского типа?

Прежде всего, почему-то считалось аксиомой, что в принципиальном плане советские «социалистические» предприятия ничем не отличались от классических капиталистических фирм, и единственное, что требовалось сделать для формирования на их базе эффективно работающей рыночной экономики – это передать их в частную собственность и освободить от директивного планирования.

Между тем советские предприятия были специфическим экономическим явлением, к которому неприменимы абстрактные положения теории капиталистической фирмы, теории конкуренции, основ корпоративного управления и т.д. Никогда (во всяком случае со времени сворачи-

⁴ Мы писали об этом неоднократно. См., например: «Российская экономическая система. Настоящее и будущее» [Явлинский 2007]; «Стимулы и институты» [Явлинский, Брагинский 2006]; «Периферийный капитализм» [Явлинский (2) 2003].

вания НЭПа) эти предприятия не были самостоятельным хозяйствующими субъектами: это были просто своего рода большие цеха, звенья большой системы государственного планового хозяйства, принципиально неспособные в течение считанных месяцев, как этого ожидали реформаторы, трансформироваться в самодостаточные экономические агенты, способные эффективно выполнять все функции фирмы в традиционном капиталистическом хозяйстве. Не было у них для этого ни средств, ни условий, ни (что не менее важно) предыстории. Приватизация в этом плане ничего не меняла – формальный юридический статус можно сделать каким угодно, но реальную мотивацию и содержание экономического поведения хозяйствующего субъекта определяет не статус, а природа этого субъекта и те реальные условия, в которые он оказывается поставлен.

Кроме того, внутри отраслей производственная структура советской экономики была выстроена таким образом, что основным ее принципом был монополизм. Говоря языком экономической теории, в системе, где конкуренция считалась формой растраты ресурсов, вся логика построения производственных и распределительных систем базировалась на принципе монополии как идеала эффективности и исключала возможность ее функционирования на иных, нежели директивное планирование, началах. В сущности, практически неразрешимые проблемы, с которыми сталкиваются все это время попытки реформировать газовую отрасль, электроэнергетику, железные дороги и связь (это лишь наиболее яркие примеры, которые у всех на слуху) в большинстве своем коренятся в заложенной в советское время производственной структуре в этих сферах. Между

тем все это, пусть и в менее ярко выраженной форме, было характерно для любой крупной отрасли. Ни в металлургии, ни в химической промышленности, ни в какой-либо другой основной отрасли промышленности на конец 1980-х гг. не было условий для мгновенного (по историческим меркам) возникновения конкурентной среды, которая если бы и не выполняла роль механизма, обеспечивающего повышение эффективности, то хотя бы дисциплинировала субъекты новоявленного российского капитализма.

Власти также неявно исходили из допущения, что в стране скрыто существовали некие ресурсы капитала, которые с отменой государственной монополии на деятельность и директивного планирования, должны были стать источником финансирования инвестиций и роста производства. На каком основании делалось такое допущение – загадка. Все программы капиталовложений в экономике СССР последних советских десятилетий определялись директивно и главным образом в натурально-вещественной форме. Никакой аккумуляции и перераспределения капитальных ресурсов посредством денежной системы не происходило – за пределами ограниченной сферы личного потребления денег как таковых вообще не существовало, были лишь учетные записи административно осуществляемого перемещения ресурсов, выраженные в рублях как неких условных учетных единицах. Соответственно, Госбанк СССР и его специализированные подразделения не имели ничего общего с банковским сектором в зрелой рыночной экономике, за исключением исторически унаследованного названия. Соответственно, не было никаких оснований предполагать, что подобная система окажется в состоянии

финансировать рост экономики огромной страны. Тем не менее, реформаторы первой волны, похоже, всерьез принимали советские спецбанки за банки, бухгалтерские проводки – за движение капитала, а учетные записи – за деньги. Кстати, как это ни парадоксально, при этом те рубли, которые единственно и обладали свойствами реальных денег – заработная плата и сбережения населения – те же реформаторы посчитали за чистую условность и фактически отменили в первый же месяц своих реформ (но это уже другая тема).

Наконец, еще один важный момент. Ни для кого, кто работал в системе управления и имел возможность наблюдать советскую экономику «изнутри», не должно было быть откровением, что в основе ее функционирования лежали не только директивные планы, но и своеобразный теневой рынок. Мы не имеем здесь в виду банальный черный рынок – неизбежный спутник распределительной системы с ее хроническими дефицитами потребительских благ и, соответственно, возможностями их реальной продажи и перепродажи вне рамок официальной системы. В данном случае мы говорим о более широком явлении – наличии негласных правил или, если угодно, понятий, на основании которых происходил обмен услугами между управленцами различных сфер и уровней. Государственный план не мог быть на 100 процентов реальным, не мог предусмотреть всех деталей и неизбежных, часто неожиданных изменений. Отсюда неизбежно возникала необходимость самостоятельной активности управленцев-менеджеров для решения поставленных перед ними задач. Соответственно, параллельно логике плана возникала и действовала логика

своеобразного теневого рынка, когда одни ресурсы и услуги обменивались на другие, иногда с прямой выгодой для участников обмена, иногда без таковой, но в любом случае с осознанием ими своей власти над благами и возможностями, оказавшимися в их распоряжении. Другими словами, попытка перейти от планового хозяйства к рыночному имела своим исходным пунктом не абстрактную модель чисто директивной экономики, а такой тип хозяйства, где официальная плановая экономика не просто дополнялась, но и была глубоко пронизана отношениями параллельно существовавшего административного рынка. В процессе так называемых «реформ» начала 1990-х гг. рыночные отношения не создавались на белом холсте социалистической экономики, они привносились в уже существовавшую систему неформальных отношений по поводу распоряжения ресурсами и собственности на них – отношений, игнорирование которых могло привести и действительно привело к серьезным и опасным деформациям в создаваемом новом хозяйственном механизме.

Ошибки экономической политики

Ошибки, допущенные при определении содержания и последовательности мер экономической и социальной политики, в значительной мере были обусловлены плохим пониманием реформаторами природы советской плановой экономики. Так, например, с искаженным представлением о советском «социалистическом» предприятии непосредственно связан механистический подход к приватизации, неверные понятия о ее возможностях и эффекте.

Приватизация была сведена к изменению формально-го юридического статуса предприятий, проведенному в виде массовой кампании в качестве единовременного акта устранения государства от управления предприятиями и ответственности за их положение. Если в Западной Европе приватизация крупных государственных предприятий почти всегда являлась весьма длительным процессом, в рамках которого окончательный переход предприятий в разряд частных являлся лишь последним актом реализации обширной программы его реорганизации и адаптации, то у нас отдельно существовавшие звенья директивной экономики просто объявили частными фирмами, частично оставив вообще без хозяина, а частично передав в безвозмездное пользование кому-то из числа желающих. Под влиянием и при непосредственном участии международных финансовых организаций, в первую очередь Всемирного банка и МВФ, верстались планы мгновенной приватизации сотен и тысяч крупнейших заводов, которая, по сути, была сведена к переписи данных в реестре в пользу никому не известных фирм и людей.

Кстати, под эти действия была подведена и соответствующая теоретическая база. Позволю себе сослаться на Джозефа Стиглица, который, занимая пост главного экономиста Всемирного банка, имел возможность наблюдать ситуацию, что называется, «изнутри». В своей публикации по поводу экономической ситуации в России он прямо пишет, что главными постулатами политики МВФ и американского министерства финансов в отношении российских реформ были, во-первых, утверждение, что реструктуризация [предприятия] невозможна до его приватизации,

а во-вторых, тезис о том, что форма приватизации не имеет значения. Сам же Стиглиц утверждает: «Теоретические исследования и практика Всемирного банка и других организаций, в частности, в случае Польши и ряда других стран, избравших иной путь, показали, что реструктуризация экономики возможна и до приватизации, а также то, что способ, которым проводится приватизация, имеет важное значение как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Приватизация без хорошего корпоративного управления обычно приводит не к быстрому росту, а, напротив, к целому букету проблем» [Стиглиц 1999].

Каков был эффект от приватизации – общеизвестно: падение объемов производства, рентабельности, катастрофическое сокращение инвестиций при росте всех видов задолженности, прямом и скрытом уводе или утрате предприятием всех видов ценных активов.

В свое время много было сказано на тему непрозрачности процесса приватизации крупных предприятий, особенно в сырьевом секторе, и расцветшей на этой основе коррупции. Но в данном случае вопрос о степени допущенных злоупотреблений не является самым важным – в любом случае ущерб от них был меньше, чем ущерб, нанесенный самим процессом конвейерной приватизации. На деле к массовой приватизации крупного производства можно было приступить только после формирования устойчивого слоя мелкого и среднего частного бизнеса, ибо только он способен помочь настоящим, а не «назначенным» предпринимателям аккумулировать средства и опыт для участия в приватизации крупного производства и обеспечить тем самым конкурентность и относительную честность этого процесса.

Большой ущерб, на наш взгляд, нанесло игнорирование факта встроеного в советскую экономическую систему монополизма. Провозглашенный так называемым «правительством реформ» и его добровольными помощниками из международных финансовых организаций рецепт «либерализация плюс приватизация в рекордно короткие сроки» на деле означал приватизацию и освобождение от контроля фактических монополий. Другими словами, вместо либерализации рыночной экономической активности произошла либерализация приватизированных монополий. Частная собственность без конкуренции – явление экономически и политически еще более вредное, чем государственная. Это просто замена государственного волюнтаризма на частный произвол, который снижает степень эффективности хозяйственной системы как на микро-, так и на макроуровне.

Очевидно, что с точки зрения и экономической логики, и здравого смысла переходный период мог и должен был начинаться с создания конкурентной среды путем малой и средней денежной приватизации или хотя бы ее основ. Только после этого можно было ставить вопрос о демонстрации системы ограничений и осторожном начале приватизации крупного производства. Мы же и сегодня, спустя 20 лет после начала так называемых «радикальных реформ» вынуждены констатировать, что огромная, если не преобладающая часть частных предприятий в той или иной степени поддерживаются объективно существующими или сознательно сохраняемыми элементами монопольного контроля над рынком. Тот факт, что Федеральная антимонопольная служба чаще всего не выявляет таких элементов,

отнюдь не означает, что их нет. Практика обнаруживает их во множестве и буквально на каждом шагу.

В стране в начале 1990-х отсутствовали (в их современном значении) денежная и банковская системы, рынок капитала, рынок капитальных благ. Хозяйственное законодательство, соответствующая ему система судопроизводства, механизм охраны контрактного права, механизм защиты прав акционеров и собственников, процедура и механизм банкротства – все это еще предстояло создать. Причем, порядок, последовательность действий имели здесь важнейшее, принципиальное значение: если формирование вышеперечисленных институтов предшествует приватизации и либерализации, формируется одна система отношений и соответствующий ей предпринимательский класс; если оно откладывается «на потом» или происходит по мере возможности – закрепляется совершенно иная система и иной менталитет бизнеса. В нашем случае институциональные реформы хронически отставали от истинных потребностей в них экономики. В результате бизнес-класс исходил из того, что было в реальности, и заменял необходимые институты их эрзацами: вместо полноценной национальной валюты использовал иностранную и бартер, вместо банков – теневой капитал, вместо государственной юстиции – частную, вместо налогов – откуп и так далее.

Последующие попытки создать настоящие институты чаще всего оказывались бесполезными. Создаваемые институты просто стихийно встраивались в уже сложившуюся практику внеправовых отношений, превращаясь либо в инструмент кормления для прикрепленных к ним чиновников, либо в бессмысленную декорацию.

Институциональные реформы, которые были как воздух необходимы для формирования новой экономики, способной решить стоявшие перед страной задачи, фактически были отодвинуты даже не второй, а, скорее, на третий или четвертый план, а главной задачей были провозглашены приватизация, либерализация и финансовая стабилизация. При этом мы, как непосредственные участники политики того периода, категорически не согласны с теми, кто объясняет безальтернативность этого подхода «политической необходимостью», «опасностью возврата к коммунизму», необходимостью построения «бандитского капитализма» вместо бандитского коммунизма» [Илларионов 2010].

Финансовая стабилизация, кстати говоря, на долгие годы превратилась в своего рода фетиш экономической политики, поскольку в наличии бюджетного дефицита и инфляции видели источник всех проблем и главное препятствие для экономического роста. На самом деле было совершенно очевидно, что инфляция, как и бюджетный дефицит, – это всего лишь следствие более глубоких институциональных дефектов системы, и борьба с нею без ликвидации самих дефектов – не осмысленная экономическая политика, а ее бессмысленная имитация.

Это же относится и к курсу на скорейшую либерализацию экономической деятельности. В принципе, нет и не может быть возражений против снятия большей части ограничений, искажающих действие рыночного механизма и порождающих ложные сигналы, ведущие в свою очередь к неоптимальному, неэффективному распределению ресурсов. В то же время такое снятие ограничений имеет смысл только в том случае, если в соответствующих сфе-

рах реально действует рыночный механизм, способный самостоятельно обеспечить оптимальное распределение ресурсов и их эффективное использование. В тех же случаях, когда мы имеем дело с фактической монополией или криминально-бюрократическим контролем над соответствующим сегментом экономического пространства, формальная либерализация на деле означает лишь легитимацию монопольной сверхприбыли и закрепление связанной с ним колоссальной неэффективности экономики в целом. На деле происходило именно последнее – либерализация не обеспечивала свободу конкуренции, а превращала в законное занятие снятие фактическими монополиями «сливок» с подконтрольных им сфер и отраслей.

Еще одна крупная проблема, в отношении которой не было найдено адекватного решения, – последовательность действий при осуществлении собственно либерализации. Все помнят, сколько копий было сломано вокруг проблемы так называемого «инфляционного навеса» – неравновесия между денежной массой в экономике, и в первую очередь средств на руках у населения, и объемом товарного предложения при фиксированных ценах. Действительно, к концу 1980-х гг. это неравновесие становилось все более заметным, а к концу 1991 г. приобрело действительно угрожающие масштабы, поскольку начавшийся производственный кризис физически сокращал товарное предложение, а политический – привел к утрате контроля за ростом денежной массы. Последняя превышала товарное предложение при условии сохранения фиксированных цен, по нашим оценкам, примерно в 3 раза, и проблема действительно требовала срочного решения. Как известно, правительство «реформато-

ров» решило проблему предельно просто: отпустив цены в условиях неравновесия, оно позволило покупательной способности сбережений и фиксированных доходов официально уменьшиться в несколько раз и одновременно запустило спираль гиперинфляции, которая в течение года (инфляция в 1992 г. составила 2600%) полностью ликвидировала все сбережения советского периода, фактически произведя их конфискацию почти у 100% населения. Официальное объяснение причин было и остается столь же простым – другого способа ликвидировать этот навес якобы не было. Между тем никто не представил убедительного объяснения, почему нельзя было увеличить противостоящий денежной массе объем благ за счет включения в него тех их категорий, который в условиях плановой экономики не подлежали обмену на деньги – средств производства, земли, жилищного фонда и т.д. Да, при этом был бы нарушен принцип равенства прав собственности граждан на общественное достояние, но по сравнению к тем огромным обманом, который произошел в результате аннулирования трудовых сбережений, а затем – его логического продолжения в виде ваучерной приватизации, это нарушение было бы несравненно меньшим злом и имело бы на порядок меньшие негативные социальные последствия, чем те, что мы имели возможность фактически наблюдать. На самом деле фактор доверия к власти, к ее политике – это важнейший экономический фактор, и ощущение населением несправедливости, творимой по отношению к нему властью, то есть, в конечном счете, государством, наносит экономике колоссальный ущерб, несоизмеримый с тем фискальным выигрышем, который правительство получает в результате отказа от собственных долговых обяза-

тельств, каковыми являются в том числе и эмитированные от его имени деньги.

Финансовая стабилизация, которая ценой огромных социальных жертв и деформаций, в том числе ценой дефолта по государственным облигациям, в основном была достигнута к концу 1990-х гг., действительно была необходима, но не после, а до начала либерализации и приватизации; и не за счет населения, потерявшего в итоге доверие и к власти, и к легальным экономическим институтам, прежде всего к банковской системе, а за счет ресурсов, которые к концу советского периода были накоплены в руках государства и его органов. Такая возможность на тот период реально была.

Мотивация власти: абстрактные цели и реальные интересы

Следующая группа причин неудачи реформ – расхождение истинных интересов и мотивов власти, которая взяла на себя ответственность за историческую судьбу России в 1991 г., с декларировавшимися целями создания прозрачной и конкурентной рыночной экономики и обеспечения минимальной социальной защиты населения. Разговоры о демократической рыночной экономике и, соответственно, политических и экономических реформах, призванных обеспечить ее становление, уже в 1992 г. и особенно начиная с 1995 г. стали не более чем идеологическим прикрытием для куда более прозаичных задач и целей.

На деле новую систему формировали не либералы-реформаторы, а наиболее энергичная и «голодная» часть старой советской бюрократии. Формировала под себя, под

свой менталитет и свои интересы. Разговоры о рынке, конкуренции и тому подобных вещах интересовали правящую элиту лишь в той мере, в которой это было необходимо для обеспечения политической поддержки нового правящего класса. Что же касается реальных действий, то любые меры, ограничивавшие для правящей элиты свободу распоряжения доставшимся ей от советской эпохи наследством, были для нее неприемлемы. Первой и главной задачей переходного периода в понимании тогдашней власти было обеспечение ее собственных имущественных и политических интересов, и в первую очередь использование оказавшейся в ее руках власти для реальной приватизации активов бывшего советского государства.

Субъективные ощущения, планы или представления отдельных представителей нового правящего слоя, по большому счету, не имели значения. В ряде случаев, вполне допускаем, что они искренне ставили задачу построения в России общества западноевропейского или американского типа. Однако общее коллективное сознание этого слоя, его представление о допустимом и недопустимом, возможном и невозможном, желательном и нежелательном обеспечивало принятие именно тех решений, которые создавали условия для успешной конвертации власти в собственность и наоборот. Напротив, те законы или решения, которые могли бы способствовать созданию условий для относительно честной рыночной конкуренции, фактически саботировались, а их воздействие на реальную экономику практически было сведено к нулю.

Нынешняя хозяйственная и политическая система России: сущность и характеристика

Что же мы получили в качестве результата реформ 1990-х? В какой системе отношений сегодня живет страна и что, соответственно, определяет траекторию ее будущего экономического развития?

Исходным пунктом наших рассуждений является следующий тезис: в результате деятельности ряда правительств эпохи президентов Ельцина и Путина в России сложилась политико-экономическая система, весьма отличная от классических представлений о рыночной демократии и принципах ее функционирования. При этом речь идет не о некоем переходном этапе от плановой экономики к рыночной, когда все основные механизмы демократического рыночного хозяйства уже созданы, но еще в полной мере не функционируют, а об особом типе хозяйства, имеющем свою собственную логику, которая не сводится к сумме или переплетению черт остатков плановой экономики, с одной стороны, и современного рыночного хозяйства – с другой.

Действительно, многие явления и черты, рассматривавшиеся в первые годы послесоветского периода как временные и преходящие, как следствие переходного характера российской экономики, образовали основные, базисные черты нового экономического порядка – экономического строя ельцинской и путинской России.

Преобладание в экономике неформальных отношений

Прежде всего, многие заблуждения и недоразумения по поводу российской экономической системы и российской экономики вообще связаны с недооценкой роли в экономике страны различного рода неформальных отношений – правил и норм экономического поведения, которые не устанавливаются формально действующими в стране законами и отличаются от описываемых ими. Эти правила и нормы сформировались как стихийная реакция на разрушение хозяйственного механизма, действовавшего в 1980-е гг., которое сопровождалось принятием совершенно неадекватной правовой базы, которая не признавалась и отвергалась подавляющей частью экономических субъектов.

Совокупность этих правил, а также экономической активности, ведущейся в соответствии с ними, достаточно точно отражается термином «неофициальная экономика», в рамках которой в России реально производится преобладающая часть валового национального продукта страны. В данном случае мы имеем в виду не только неучитываемую или нерегистрируемую экономическую активность или то, что принято называть «теневой экономикой». Речь идет о более широком понятии, то есть деятельности, которая не обязательно является скрытой, но тем не менее ведется вне или с нарушением установленных законом рамок и принципов, например, с использованием мнимых неплатежей, незаконных или всякого рода экзотических форм расчетов, занижением или завышением оценок и цен, лжеэкспорта, использованием незаконных льгот и т.п. Такого рода отно-

шения господствуют не только в той части экономики, которая скрыта от учета и налогообложения, но в значительной части и в открытой, не скрываемой от государственных органов деятельности, что, кстати, является причиной целого ряда мнимых парадоксов и проблем. Неофициальная экономика существует не отдельно от официальной или легальной, а как бы пронизывает ее, внося в поведение предприятий коррективы и особенности, необъяснимые в рамках законов и официальных правил хозяйственной деятельности.

В результате складывается положение, когда официально фиксируемая и доступная количественному анализу деятельность, равно как и ее условия, являются лишь внешней оболочкой, за которой скрывается и действует вторая, параллельная экономика, работающая на иных условиях и в иной деловой среде. Эта параллельная экономика базируется на договорных отношениях, которые не всегда и не обязательно фиксируются в форме письменного контракта. При этом нормы официально узаконенного хозяйственного права действуют в тех пределах и в той степени, в которых они не противоречат стихийно устоявшимся нормам экономического поведения. Расчеты между экономическими агентами определяются по взаимной договоренности и состоят из официальной и неофициальной частей, причем вторая из них отличается богатым разнообразием форм, включая предоставление различного рода услуг, денежные платежи с использованием третьих лиц и организаций и т.п.

Исполнение договоренностей при этом обеспечивается частным образом, то есть либо вообще без использования легального арбитража и судебной системы, либо

с использованием их в качестве формального прикрытия. Отношения между экономическими агентами строятся на принципе принадлежности каждого субъекта к той или иной группе, которая и берет на себя роль гаранта исполнения договоренностей. Информация о реальном финансовом положении предприятия, как правило, в своем пространстве ограничивается членами той же группы и тщательно оберегается от внешних по отношению к ней предприятий и институтов. Это же относится и к вопросам о реальных собственниках, схемах организации управления и финансовых потоков и т.п. – вся соответствующая информация, как правило, закрыта для всех, кто не входит в узкий круг посвященных.

Особая роль власти в экономических отношениях

Неофициальная экономика с неизбежностью требует для своего функционирования и неофициальной системы власти, понимаемой как возможность контролировать основные хозяйственные ресурсы и их использование⁵. В таком ее понимании власть, конечно, обязательно сопря-

⁵ Поэтому «общественный стон» относительно путинской системы власти, конечно, понятен, но надо понимать, что существующая сегодня система власти всего лишь отражает реально сложившийся экономический механизм. Всякий, кто полагает, что смена одной кремлевской команды на другую изменит ситуацию и позволит стране продвигаться по пути создания современной эффективной рыночной экономики европейского или американского типа, либо глубоко заблуждается, не понимая, как устроена российская экономическая система, либо просто хочет заменить Путина и Медведева на себя, ничего не меняя при этом по существу, привести к власти другую, свою корпорацию.

жена в той или иной степени с официальными властными институтами, однако не совпадает с ними, поскольку важную, а подчас и главную роль в ней могут играть и люди, не обладающие административным статусом – руководители и владельцы доминирующих на данной территории предприятий, руководители официальных и неофициальных силовых структур и т. д. В любом случае основанием для осуществления властно-распорядительных полномочий является не формальный мандат на власть (в виде официального статуса главы администрации), а реальная возможность контролировать распределение и использование экономических ресурсов – хозяйственных территорий, объектов инфраструктуры, людских и денежных ресурсов.

Мнения по важнейшим вопросам людей, олицетворяющих собой эту власть, в большинстве случаев воспринимаются всеми основными институтами, включая и судебные инстанции, как указания к действию. Соответственно, они крайне редко оспариваются и почти никогда не игнорируются всеми заинтересованными сторонами.

При этом государство в целом не выполняет и более того – органически не способно выполнять роль беспристрастного арбитра в хозяйственных спорах и гаранта исполнения контрактов. Функцию последнего, как уже было сказано, вынуждены брать на себя сами хозяйствующие субъекты, полагаясь на собственную силу или силу своих покровителей, то есть главным образом на неформальную, своего рода «частную» юстицию.

В результате складывается положение, когда не только экономика, но и общество в целом, в том числе и государство, живут по неписаным правилам, не зафиксированным

в официальном праве. И граждане (особенно социально активная их часть), и властные органы в этих условиях действуют не на базе закона, а на основе личных отношений, прецедента, способности к принуждению и тому подобных вещей.

Особенно ярко это проявляется в случаях, когда речь идет о крупных хозяйственных интересах: единственным реально значимым фактором для определения результата здесь является не закон, а способность заинтересованного субъекта любыми доступными ему способами провести в жизнь свое решение или обеспечить свои интересы в конфронтации с другими, противодействующими ему интересами. Внешняя видимость законности при этом может соблюдаться, а может – и нет. Средством принуждения может выступать административный ресурс, контроль над рынком или его субъектами или прямое насилие, но в любом случае оно базируется на неформальном «праве» – праве сильного.

С другой стороны, сама эта власть является объектом конкуренции со стороны различных групп интересов, взаимодействие которых и определяет состав и характер власти на каждый данный момент. Группы могут быть организованы по разным признакам общности, в частности по территориальному, отраслевому, корпоративному и клановому принципам, и иметь разную степень внутренней интегрированности. Различны и конкретные формы организации данных групп – это и официальные органы власти, и полуофициальные структуры, включая общественные монополии различных уровней, и крупные частные предприятия, и разнообразные финансовые структуры с той или иной степенью государственного участия либо без таковой. При всем

многообразии форм все эти структуры, однако, объединяет два основных признака:

- реальный контроль над значительными хозяйственными ресурсами;
- преимущественно внеправовая (политико-административная или криминальная) основа такого контроля.

Последнее означает возможность принуждения (теми или иными методами) в отношении тех, кто не признает права группы на такой контроль.

Особенности права собственности

Параллельно с такого рода отношениями, а отчасти и в их результате в стране сложилась ситуация, при которой формальное право собственности на хозяйственные активы является вторичным по сравнению с возможностью реально контролировать ресурсы, необходимые для их производительного использования. Без последнего формальный титул собственника тех или иных активов, будь то предприятие или право на разработку тех или иных природных ресурсов, не означает ничего. Другими словами, формальный титул собственника – еще не повод для претензий на производительное использование объектов собственности, скорее наоборот, он является естественным дополнением реального контроля над активами, который, кстати, может быть установлен и без приобретения их в собственность.

Естественно, что в условиях подобной системы право собственности вообще, и право частной собственности в частности, не являются безусловными. Ни законопослуш-

ность, ни сравнительно добросовестное ведение дела, ни даже соблюдение неписаных «понятий» не могут гарантировать защиту прав собственника, исключить возможность так называемого «передела» собственности или ее изъятия более сильным в экономическом, политическом или административном плане субъектом. При наличии реального контроля над территорией, отраслью, инфраструктурой и т.п. заинтересованные группы в существующих условиях легко завладевают теми или иными объектами, используя ангажированные или подконтрольные арбитражные суды, ложные банкротства, саботаж со стороны административных органов или «трудовых коллективов» и т.п. Периодически получающие огласку в прессе громкие конфликты вокруг отдельных предприятий – не более чем верхушка айсберга перманентного процесса перехода собственности из рук в руки по причинам, не связанным с хозяйственным управлением этой собственностью.

Названные базовые характеристики порождают целый ряд важных и интересных следствий.

Системный дефицит доверия и его следствия

Прежде всего, поскольку гарантией исполнения хозяйственных обязательств является не государственная машина, а собственные силы и возможности экономических агентов, которые в силу естественных причин ограничены, возникает ситуация системного дефицита доверия. Собственники и предприниматели не верят государству, государственные органы – бизнесу. Банки не доверяют клиентам, клиенты – банкам, предприятия – своим кредиторам и

партнерам. Население вообще никому не верит и, более того, укрепляется в убеждении, что это нормальное и естественное для общества состояние.

Дефицит доверия, в свою очередь, ведет к тому, что горизонт хозяйственного планирования для каждого из экономических субъектов неизбежно сужается, а их возможности – сокращаются. Долгосрочные инвестиции становятся возможными только для самых мощных и уверенных в своей неофициальной силе и влиятельности структур, но даже и для них оказываются сопряженными с очень высокими рисками, что почти исключает привлечение для инвестиционных нужд долгосрочных заемных средств из частных источников на приемлемых условиях. Для подавляющей же части бизнеса сроки конкретного хозяйственного планирования, а также окупаемости инвестиций сокращаются до полутора-двух лет, что практически исключает возможность их выхода на перспективные высокотехнологичные рынки.

Олигархическая структура экономики и сужение сферы действия законов конкуренции

Необходимость собственными силами обеспечивать исполнение обязательств и опора на неофициальное «право» с неизбежностью порождают **олигархическую структуру экономики**, когда не менее 70% производимого валового продукта так или иначе контролируется двумя-тремя десятками бизнес-структур, решения в которых принимаются несколькими сотнями лиц, составляющих деловую и административную элиту России. С этой точки зрения пресловутое «господство олигархии» в сегодняшней России – не досадное

недоразумение и не временное явление переходного периода, а закономерное следствие существующей хозяйственной и политической системы.

В свою очередь олигархическая структура экономики вместе с особой ролью внеправовых отношений обуславливают резкое сокращение сферы действия законов хозяйственной конкуренции. Общенациональный рынок распадается на отдельные территориальные и отраслевые сегменты, контроль над которыми осуществляют ограниченное количество административных и бизнес-структур. Так называемые «барьеры для входа на рынок» при попытке перейти в новый сегмент часто столь велики, что затраты на их преодоление перекрывают выигрыш от расширения масштабов реализации. Проще говоря, для того чтобы выйти в новую сферу или просто на новый уровень деятельности, каждый предприниматель сегодня вынужден чуть ли не заново отстраивать систему отношений с чиновниками и «авторитетами», искать соответствующие «подходы» и отбиваться (или откупаться) от недовольных. Конечно, в итоге все проблемы такого рода при наличии средств могут быть решены, но сопутствующие издержки могут быть столь велики, что фактически выполняют роль административного запрета.

Каждый из таких сегментов, хотя и имеет определенную территориальную привязку, не связан жестко с тем или иным регионом, а определяется исключительно границами возможностей господствующих на них групп интересов и контролируемых ими ресурсов.

При этом контроль существующих в стране разных групп интересов над отдельными ресурсами не дает возможности ни одной из них не только установить единоличный

контроль над экономикой в целом, но даже построить внутри экономики свой собственный замкнутый цикл хозяйственной деятельности. Для извлечения дохода из имеющихся у нее ресурсов каждой из групп неизбежно приходится вступать в отношения с другими группами, достигая формального или неформального понимания. При этом, несмотря на то, что отношения между этими структурами, а также между ними и подконтрольными им хозяйствующими субъектами строятся не столько на основе рыночных принципов, сколько на соотношении сил, они, тем не менее, не принимают форму иерархического соподчинения. Соответственно, соглашение с какой-либо одной, пусть даже наиболее мощной группой не дает хозяйствующему субъекту гарантии беспрепятственного существования и не избавляет его от необходимости искать соглашения с другими, в том числе и менее мощными группами.

Исторически малый срок существования ныне действующих групп интересов, а также постоянные изменения в соотношении сил между ними, вызываемые как переменами во внешних условиях, так и процессами внутри этих групп, препятствуют формированию стабильной системы хозяйственных отношений в масштабе всей страны и обуславливают постоянные переделы собственности и сфер влияния.

Институционализация коррупции

Наконец, еще одним закономерным следствием системы является симбиоз бизнеса с чиновничеством. В рамках этого союза на теневое доволствие бюрократии уходят огромные средства («теневой бюджет»), предоставляемые крупны-

ми олигархическими структурами в обмен на управленческие решения, приносящие им в сотни раз больший доход. Коррупция институционализируется, становится необходимым элементом хозяйственной деятельности и органической ее частью. Не рынок определяет в наших условиях движение громадных ресурсов между секторами, отраслями и регионами и не гласный и открытый политический процесс, подобный тому, что можно увидеть в развитых демократиях, а кулуарные сделки и интриги в рамках узкого круга властной элиты.

Итак, что получилось? Периферийный капитализм

Определить функционирующую таким образом систему каким-то одним термином непросто. Характеризовать эту систему как переходную было бы слишком большим упрощением, поскольку несовместимые с современными представлениями об эффективной рыночной экономике отношения и институты, описанные выше, представляют собой не столько рудимент прошлого, сколько полноценный элемент функционирующей хозяйственной системы.

По отношению к такой системе выражение «развивающиеся рынки» применимо с большими оговорками, да и как термин оно кажется малосодержательным, поскольку не включает в себя никаких указаний ни на содержание, ни даже на направление предполагаемого развития.

Представляется, что точнее всего характеристики современного российского капитализма отражает термин «пе-

риферийный» (и это, кстати, объединяет его с весьма схожими обществами в Азии и Латинской Америке: в качестве примера можно привести Бразилию, Индию, Индонезию, Саудовскую Аравию и др.). С одной стороны, такой термин определенно отражает отсутствие в стране развитой правовой системы, независимого судопроизводства, реальной, а не декоративной партийно-парламентской политической системы, подотчетного парламенту и партиям правительства и др. С другой стороны, он подчеркивает отсутствие самодостаточности и внутренне встроенных механизмов роста в нашем национальном хозяйстве, высокую зависимость экономики и бизнеса в России от ядра современного капитализма – экономики развитой части мира.

В экономическом отношении мы имеем дело со смешанной системой. В принципе, можно сказать, что в стране функционирует смешанная экономика, но не в том смысле, в котором это слово употребляется в современной экономической теории, а в ином специфическом значении. Это экономика, в которой смешанной является не форма собственности, а сама логика экономического, да и социального поведения. Наша реальность – это и капитализм, и не совсем капитализм, а в чем-то даже и совсем не капитализм. В ней есть сектора, живущие по законам конкурентного рынка, но не они определяют ее лицо. Есть в ней также и полностью монополизированные сегменты, и зоны, контролируемые криминалитетом, и сферы, находящиеся под прочным административным контролем. Вместе с тем наиболее типичным является некий комбинированный вариант, когда наличие отношений конкуренции сочетается с довольно плотной зависимостью от административной

власти. Без определенного патронажа со стороны этой власти присутствие и тем более расширение своей активности на рынке, по сути, становится невозможным. В то же время административный фактор в бизнесе не всемогущ, а монополия почти никогда не является всеобъемлющей. Соответственно, активно пользуясь «административным ресурсом», бизнес вынужден в то же время заботиться о своей конкурентоспособности, думать об издержках, стратегии реализации и тому подобных вещах. Одновременно на микроуровне хозяйственная деятельность в сегодняшней России – это не последовательный переход от административной экономики тоталитарного государства к современному («нормальному») западному обществу, а скорее причудливая смесь институтов и отношений самых различных типов и уровней: современных и традиционных, рыночных и дорыночных; правовых и неправовых, цивилизованных гражданских и основанных на прямом насилии и т.д.

Возможности и пределы системы

В связи с характеристикой, которую мы дали современной российской политико-экономической системе, возникает два важных вопроса. Первый: насколько устойчивой и, по большому счету, жизнеспособной является сложившаяся система отношений; второй: каковы ее потенциальные возможности и пределы. Поскольку подробный анализ возможностей и перспектив российской системы периферийного капитализма не является задачей этой статьи, сформулируем только главные выводы.

Во-первых, при всей ее эклектичности в ней есть железная внутренняя логика. Почти каждый ее элемент дополняется и поддерживается другими, и все вместе они обеспечивают то, что система работает, и ее функционированию по большому счету ничто и никто не мешает.

Во-вторых, система обладает внутренней устойчивостью, она способна не только к самовоспроизводству, но и к определенному прогрессу. Она не только допускает рост экономики – относительные успехи в экономической области в последние десять лет могут служить тому свидетельством, но и способна к определенному саморазвитию, ликвидации «узких мест» и наведению порядка в некоторых критически важных сферах и областях.

В-третьих, через формирование значительного слоя влиятельных людей и групп, тем или иным образом извлекающих из нее немалую личную выгоду, система получила собственную, и притом весьма надежную социальную опору.

Речь здесь идет не только о высшем слое государственных чиновников или пресловутых «олигархах» – старых и новых. В группы, так или иначе извлекающие из существующего порядка вещей незаслуженно высокие доходы и, следовательно, заинтересованные в его сохранении, попадает практически вся нынешняя российская элита. Это чиновники, способные получать мзду за выгодные другим группам экономические и политические решения. Это практически весь крупный бизнес, способный эту мзду платить и получать в результате монопольный доход, в десятки раз превышающий ее размер. Это профессиональные политики, выступающие в роли посредников между теми

и другими. Это верхушка правоохранительных органов, контролирующая силовой аппарат, способный, с одной стороны, прикрыть бизнес от «внесистемного» криминала, а с другой – самому выступать в роли вымогателя, своего рода «внутрисистемного» криминала. Наконец, это и руководители средств массовой информации, которые, с одной стороны, обеспечивают системе в целом идеологическое прикрытие, а с другой – играют на противоречиях внутри самой элиты, извлекая из этого немалую корпоративную и личную выгоду.

Понятно, что при такой универсальной завязанности интересов на сложившейся, порочной по своей сути системе российская элита просто не может разрушить ее без прямого или косвенного ущерба для себя, даже осознавая ее ущербность и, в конечном счете, историческую тупиковость.

Однако все сказанное необходимо соотнести с ответом на главный вопрос – о возможностях этой системы обеспечивать социальный прогресс и о пределах этих возможностей. Коротко говоря, анализ показывает, что эта система в состоянии обеспечить современный уровень жизни примерно 25% населения страны, при том, что 75% граждан России в условиях господства этой системы не имеют даже в перспективе шансов на современный уровень доходов, качественное образование и медицинское обслуживание.

Периферийный капитализм соответствующим образом формирует и социально-экономическую структуру российского общества: 5% населения, сумевшие «сесть» на сырьевые и финансовые потоки, образуют привилегированный экономически господствующий класс; еще 20–25%

населения – это наш «средний класс», который обязан своим относительным процветанием нынешней системе и, соответственно, является ее главной социальной опорой и защитником. Причем средний класс в этой системе представляют не инженеры, офицеры, врачи, учителя, научные работники, средние предприниматели, высококвалифицированные рабочие и фермеры, а работники сферы обслуживания, развлекательных услуг, чиновники и разного рода рантье. Остальные же 70–75% населения – это «старые» и «новые» бедные, подавляющая часть живет на уровне простого воспроизводства рабочей силы или даже ниже. О чем, кстати, красноречиво свидетельствует ситуация как с рождаемостью (ее падение), так и смертностью, которая в большинстве российских регионов продолжает увеличиваться.

Перспективы

Перспективы российской экономики и, если говорить шире, российского общества по большому счету будут определяться двумя моментами: возможностями господствующей в стране экономической системы и ее высокой зависимостью от внешних факторов.

Проблемы России, связанные с общим замедлением темпов роста мировой экономики и рецессией, а также с активным вступлением экономик развитой части мира в постиндустриальную стадию, требуют отдельного анализа и обсуждения.

Что же касается отечественной экономической системы, то совершенно очевидно, что периферийный ка-

питализм российского типа не позволил до сих пор и не позволит в будущем кардинально улучшить положение в таких жизненно важных областях, как обеспечение полноценной занятости трудоспособного населения, достойного современного уровня жизни для большинства граждан, стабилизации демографической ситуации, обеспечения безопасности. В результате даже при отсутствии абсолютных спадов или резкого замедления роста Россия будет оставаться огромной слабозаселенной и малоосвоенной территорией, экономическая отсталость которой будет все более очевидной на фоне подтягивающейся к стандартам ЕЭС Центральной и Восточной Европы и динамичными «новыми индустриальными экономиками» Азии.

Создание политических и экономических возможностей для преодоления отставания означает выживание страны, сохранение российской государственности и суверенитета. Для того чтобы понять это, достаточно посмотреть на карту и увидеть, что у России наиболее протяженные границы с наиболее опасными и непредсказуемыми регионами мира, и в связи с этим оценить масштабы необходимых в ближайшие 10–12 лет затрат на вооруженные силы, жилищно-коммунальную инфраструктуру, медицину, образование, преодоление демографического кризиса, современное освоение Сибири и укрепление нашего экономического суверенитета на Дальнем Востоке.

В России же создан такой мутант рыночной экономики, который в принципе не в состоянии сейчас и не будет в состоянии никогда (если его не изменить коренным образом) решить или хотя бы облегчить решение вышеперечисленных задач. Необходимо ясное политическое, общенаци-

ональное признание того факта, что рамки возможностей для экономического, а следовательно и социального прогресса в существующей системе очень и очень узки.

Что делать в сложившейся ситуации; есть ли возможность выхода из заколдованного круга бедности, отсталой структуры и неэффективности? С точки зрения конкретных экономических и политических мер, которые надо для этого осуществить, ясность есть, и они будут изложены ниже. Но прежде чем перейти к традиционному изложению плана реформ, мы считаем необходимым достаточно подробно, насколько это возможно в рамках этой статьи, остановиться на следующем. На пути любых предложений по изменению ситуации в России стоит мощное препятствие. Не политическое и не экономическое, что было бы естественным и понятным. Это препятствие другого рода. Суть его в том, что причину провала реформ и нынешнего плачевного положения нашей политической и экономической системы либеральное сообщество нашло не в допущенных им грубейших ошибках, о которых мы сказали выше, а в «некачественности народа», его отсталости, архаичности, антибуржуазности и пр. Тогда, естественно, задача не имеет решения и Россия всего лишь отхожий промысел для временщиков «умеющих работать» на российских сырьевых ресурсах, а ее годы сочтены.

Но так ли это? Попробуем хотя бы коротко, в принципе рассмотреть эту едва ли не самую серьезную, на наш взгляд, проблему⁶.

⁶ Подробное исследование с рабочим названием «Как в России осуществить успешные реформы» ведется нами уже более трех лет. Авторы надеются завершить работу в течение текущего года.

ЧАСТЬ 2.

Субъект реформ: народ и государство

Бытующие в политическом, журналистском и даже научном сообществах, кочующие из дискуссии в дискуссию представления о причинах неудачи российских реформ последних 20 лет, можно свести к двум тезисам: о неподходящем народе и неподходящем историческом пути, по которому ему предлагают идти.

В последние годы по мере нарастания ощущения недовольности все большую популярность приобретают представления об исторически сложившейся (уходящей корнями далеко за советский период), так сказать, непродуктивной, специфической ментальности большинства населения как о корне всех проблем.

На первый план выходит историческая предопределенность: нависающая над страной мрачная многовековая традиция самовластия и жестокости, в свете которой тоталитаризм или авторитаризм, антиевропейскость выглядят органичными для России, глубоко укоренными в ее истории и культуре, а любые попытки рационализации, демократизации, гуманизации – обреченными на непонимание.

В публицистике это направление общественно-политической мысли, в частности, ярко представляет А.Н. Афанасьев [Афанасьев 2008], в политологии и культурологи – авторы, как правило, причисляющие себя к последователям

А. Ахиезера⁷, которые фактически свели проблему трансформации общественного сознания в современной России к переходу от деревенского иррационального к городскому рациональному сознанию и социальной модернизации в форме радикального избавления от ключевых элементов традиционного «культурного кода» [Ахиезер, Клямкин, Яковенко 2005; Яковенко 2009]. В последнее время с популяризацией подобных тезисов выступает кинорежиссер и писатель Андрей Кончаловский [Кончаловский 2010], который основывает свои построения на концепции «крестьянского сознания» Мариано Грондоны [Grondona 1990].

Население, в силу особенностей сознания не выдержавшее тяжесть трансформации, фигурирует и в либеральной аналитике, посвященной стратегии и тактике демократов в постсоветские десятилетия [Гудков, Дубин, Левинсон 2009].

Еще один распространенный подход – противопоставление традиционного российского сознания и «буржуазного сознания», в большинстве случаев отождествляемого с сознанием протестантским. Этот подход характерен, в том числе и для серьезных исследователей, таких как Б.Н. Миронов [Миронов 1999, т. 2, с. 317–326]. Неизменный вывод – о небуржуазности или недостаточной буржуазности как препятствии для модернизации.

⁷ Следует особо отметить, что в фундаментальных работах А. Ахиезера, в центре культурологической концепции которого стояло противопоставление «инверсии» (упрощения, применение простых решений из прошлого к сложным современным проблемам) и «медиации» (творческое решение сложных проблем), а также явление «проникающего раскола», сформулированы важнейшие методологические положения, которые мы широко используем в нашем анализе. По многим принципиальным вопросам работы последователей А. Ахиезера не имеют с ним ничего общего ни по целям, ни по интенциям, ни по уровню научной аргументации.

Противоположная, казалось бы, концепция строится вокруг тезиса об «особом пути» России, «особом народе», но для которого непригодна западная модель демократии, современное европейское представление о гражданских свободах и правах человека [Нарочницкая 2003, Фроянов 2009]⁸. Авторам этого направления свойственно гипертрофированное внимание к противостоянию России и Запада, выливающееся в представление о борьбе с Западом как главном содержании российской истории на протяжении веков. При этом русское православие отделяется от общехристианской и даже общеправославной традиции, преподносится как нечто абсолютно самобытное и самодостаточное.

За внешним непримиримым противостоянием этих двух концепций кроется одна и та же суть: народ России отделяется от Европы, ему приписываются черты «культурного кода», представляющие собой непреодолимое препятствие как для развития по европейской (демократической, рыночной) модели, так и для интеграции в Европу. Только в первом случае это отделение оценивается отрицательно, а во втором – положительно.

Представляется, что и в том и в другом случае – это существенное искажение реальности.

⁸ Например, заявленная цель работы Натальи Нарочницкой – доказательство того, что «Россия не есть неудачник универсальной (западной) истории, а мощная альтернатива ей, причем совсем не обреченная...» [Нарочницкая 2003, с. 86]. При этом методология современной исторической науки и исторической социологии объявляется фактически неподходящей для православной России, об успехах и неудачах которой, по мнению Н.А. Нарочницкой, невозможно говорить с позиций «критериев и понятийного аппарата современной социологии и знакомой философской парадигмы исторического материализма» [Нарочницкая 2003, с. 89].

«Уход» вместо борьбы

На наш взгляд, очевидные особенности отечественной политической культуры не являются органической производной русской/российской ментальности и культуры в широком смысле. Для сегодняшней России, вообще, не актуален вопрос о модернизации как переходе от традиционного общества и свойственного ему сознания к современному; нет и качественного разрыва между традиционалистскими массами и «европеизированным» авангардом.

Центральная проблема и главное препятствие модернизационных реформ заключается в глубоком разрыве, отчуждении между народом-обществом и властью-государством, устранении и самоустранении общества от управления государством.

Сохранение разрыва в современных условиях крайне затрудняет или делает невозможным раскрытие интеллектуального и творческого потенциала нации. Вместо этого реализуется специфическая реакция на действия государства – уход. «Уходящий» народ не сопротивляется государству, но и не является его опорой.

Коротко проанализируем исторические и культурологические первопричины разрыва и «ухода». Одну из них можно назвать природно-географической. При этом мы имеем в виду не распространенное в публицистике объяснение специфики экономического, политического социального развития России северным расположением страны и климатом, а наличие доступных свободных земель⁹.

⁹ На значение этого фактора обращал внимание А.Н. Медушевский: «На Западе отсутствие свободных пространств и высокая плотность населения сильнее обостряют социальные противоречия, что ведет

Этот фактор позволял уходить на новые земли вместо общественного сопротивления давлению государства, в ходе которого в Западной Европе выстраивалась вся общественно-политическая практика, зарождались договорные отношения. Конечно, речь идет не столько о прямом буквальном бегстве (при появлении князя с дружиной свободное до той поры племя сразу же переселяется на новые земли), сколько о снижении социальной напряженности, возможности ухода от вынужденного постоянного и плотного взаимодействия с государством.

Следствием феномена «ухода» в раннем средневековье было заселение русских земель с юга на север, то есть переход людей на земли даже худшие по хозяйственным условиям. В послеордынский период (XV–XVI вв.) распространению модели «ухода» способствовало освоение бывших ордынских территорий. До конца XIX – начала XX в. традиционному крестьянскому сознанию была свойственна идеализация акта миграции, который рассматривался «как уход от несправедливой «новизны», переселение на новое место справедливой «старины», как поиск рая на земле, на далеких землях» [Миронов 1999, т. 1, с. 28].

Сама по себе русская крестьянская община, обладавшая рядом уникальных специфических черт, – это свое-

к большей консолидации сословий и ускоряет законодательное укрепление сословных и личных прав. В России в период складывания централизованного государства, напротив, острота социальной конфронтации длительное время снижалась за счет оттока населения на окраины... Развитие социальных отношений на больших пространствах и систематический отток населения до известной степени замедляет рост социальной напряженности, видоизменяет формы ее проявления...» [Медушевский 1994, с. 37].

образная социальная альтернатива географическому бегству, самодостаточная общность, способная существовать на одном географическом, но в разных ментальных пространствах с государством. Это не означает, что община прямо противостоит государству. Как и буквальное, физическое, бегство, она не предполагает борьбы. Система стабилизируется – с одной стороны, община ограждает народ от государства, с другой – как бы помогает государству контролировать население.

Однако традиционный стереотип отношения общинного сознания к реальному государству, представленному чиновниками – отрицательный, как к чужакам, появление и вмешательство которых ни к чему хорошему привести не может. Покорность «начальству» – это покорность непреодолимым обстоятельствам, а не выражение поддержки конкретному правителю или признание его требований справедливыми. Как замечал Владимир Соловьев, для народа «государство есть лишь необходимое средство, дающее народу возможность жить по-своему, ограждающее его от насилия чужих исторических стихий и обеспечивающее ему известную степень материального благосостояния» [Соловьев 2007, с. 65].

Разрыв и модернизация

Разрыв между народом и государством и феномен «ухода» – географического и внутреннего – были, по крайней мере, очень значимыми предпосылками того, что переход к новому времени в нашей стране не был эволюционным.

Формирование абсолютистского самодержавного государства, в конце XVII – начале XVIII в. способствовавшее военному, техническому, промышленному развитию, в то же время становилось преградой для социальной модернизации, появлению элементов договорной культуры, закреплению прав сословий¹⁰.

Такой исторический выбор вывел российское государство в число главных действующих лиц европейской (что в контексте XVIII в. равнозначно мировой) политики, но отчуждение между народом и государством только усилилось. Европеизация, открывшая дорогу быстрому распространению европейской художественной культуры и моды в дворянской среде, не привела к качественным изменениям в системе «государство – население – внешний мир» и, несмотря на интенсификацию связей с внешним миром,

¹⁰ Автор уникального исследования по истории политики, образа мышления и жизни верхушки русского государства в конце XVII в. П.В. Седов, оценивая ситуацию кануна петровских реформ, отмечает: «Федор Алексеевич и его окружение готовы были дать сословиям «слободины», но с опаской приглядывались к короткому иноземному кафтану и европейской науке, при этом восприятие иноземных новшеств не подразумевало резкого отказа от московской «старинны». Возможно, такой путь не был слишком эффективным в военном и политическом отношении, что само по себе не означает невозможности его реализации. Петр I, напротив, решительно резал длиннополые кафтаны и бороды, посылал учиться за границу, но считал, что сословные вольности западных стран неприменимы к России «как к стене горох». Усиление церковной иерархии при Федоре Алексеевиче вело к укреплению сословных прав духовенства, но стесняло заимствования в области культуры. Ликвидация патриаршества превратила церковь в часть государственной машины, зато позволила провести решительную европеизацию». В качестве же одной из ключевых причин того, что развитие страны пошло так, а не иначе, П.В. Седов указывает разобщенность сословий, прежде всего, то, что «связанная со двором верхушка была оторвана от менее привилегированных низов» [Седов 2006, с. 552–555].

контакты с иностранцами по-прежнему рассматривались властью сквозь призму возможной государственной измены¹¹.

Впоследствии Российская империя испытывала склонность к изоляционизму, закрытости вплоть до антиевропейскости не потому, что династия Романовых сознательно хранила вековую русскую традицию, восходящую к Ивану Грозному и другим Рюриковичам, или была вынуждена считаться с традиционалистским давлением снизу. Для государства первоочередным было решение насущной задачи: поддержание внешнеполитического влияния с помощью укрепления авторитарного самодержавия, а не сближение с народом на основе идеи гражданских свобод, ограничения власти государя, народного представительства во власти. Все это в той или иной форме казалось властям разрушительными для сложившейся социально-политической системы, особенно после событий французской революции.

Однако, защищая сложившуюся систему от принципиальных изменений, консервируя социально-политический

¹¹ Один из ведущих специалистов по российской истории XVIII в. Е.В. Анисимов отмечает: «Несмотря на головокружительные перемены в духе европеизации, Россия при Петре I оказалась открытой только «внутрь», исключительно для иностранцев. В отношении же власти к свободному выезду русских за границу, а тем более, к эмиграции их никаких изменений не произошло. Безусловно, царь всячески поощрял поездки своих подданных на учебу, по торговым делам, но при этом русский человек, как и раньше, мог оказаться за границей только по воле государя. Иной, т.е. несанкционированный верховной властью выезд за границу по-прежнему карался как измена. Пожалуй, исключение делалось только для приграничной торговли, но и в этом случае временный отъезд купца за границу России по делам коммерции без разрешения власти карался кнутом. Прочим же нарушителям границы грозила смертная казнь» [Анисимов 1999, с. 32].

разрыв, самодержцы обрекали страну на острейшие конфликты и проблемы в будущем.

Модернизация является не разовым действием, а постоянным процессом, поэтому ее существенное замедление равно демодернизации или антиреформе¹². В России же XIX в. между осознанием общественным разумом необходимости и даже неотложности системных реформ и началом реальных действий прошло более полувека. Ключевая причина роковой задержки – отсутствие политической воли.

Эволюция общества

Вместе с тем, торможение в реформировании государства могло в какой-то степени замедлить, но не могло остановить движение по европейскому вектору общества и общественного сознания – развитие образования, продви-

¹² В конце XVIII – первой половине XIX в. государственная система все больше и больше противопоставляла себя идее развития, стремилась к статике, а европейскую динамичность воспринимала как угрозу. Идею отталкивание от Европы сопровождалось недооценкой и даже отрицанием уже и технической модернизации, которая рассматривалась как часть того, что разрушает стабильность, традицию. Один из ключевых чиновников правительства Николая I граф Е.Ф. Канкрин, проработавший на своем посту 23 года, был убежден во вредности железных дорог. В конечном счете, такое политическое мышление привело Россию к поражению в Крымской войне – неожиданному и крайне болезненному для империи, претендовавшей на роль «жандарма Европы», но объективно закономерному и даже неизбежному. Эти черты были характерны и для советской системы, которая на пике внешнеполитического могущества начала бороться с генетикой и кибернетикой, потому, что их значение не могло быть столь немедленно и наглядно продемонстрировано как важность атомного проекта.

жение к правовому государству, гражданскому обществу, появлению самостоятельной личности, малой семьи, качественно новых общественных связей¹³.

Важно также отметить, что современные исследования российского предпринимательства – дела, образа жизни, сознания – не отмечают качественного ментального различия между российскими и европейскими предпринимателями того времени. Мотивация деятельности, по крайней мере, значительной части русских торговцев и предпринимателей середины XIX в. уже была проникнута «привычкой к делу», «духом капитализма». Очевидное и существенное различие было в другом – в месте предпринимателя в общественной иерархии, которое определялось не столько «русской ментальностью», сколько социальной структурой дворянской империи¹⁴.

Высшей точкой российской трансформации, в которой общественное развитие соединилось с целенаправленной государственной политикой, стали Великие реформы 60-х гг. XIX в. Они были не только прямой реакцией на

¹³ Движение было медленным, неравномерным, но это не «качание маятника», не пароксизмы реформ, сменяющиеся возвращением к средневековой традиции, «всплесками архаики». Подробную и весьма убедительную аргументацию этого утверждения можно найти в работах А.Б. Каменского [Каменский 1999, 2003] и Б.Н. Миронова [Миронов 1999, т. 2].

¹⁴ «Само дело стало для предпринимателей «необходимым условием существования», отмечает А.И. Куприянов, изучавший записки и воспоминания представителей русской буржуазии XIX – начала XX века [Куприянов 1996, с. 93]. Однако «выступить за претворение потребностей буржуазного развития купечество не могло не в силу своей субъективной, так сказать, изначальной консервативности, а из-за реальных объективных условий своего существования, выдвигавших на первый план борьбу за осуществление сословных интересов» [Козлова 1996, с. 52].

внешние вызовы, но и предусматривали серьезное переустройство общества в соответствии с давно накопившимися внутренними потребностями. Они запустили механизм эмансипации крестьянства, создали предпосылки формирования легитимного института частной собственности на землю. Чрезвычайно важными были судебная, земская и военная реформы. Инерция этих реформ прошла через весь советский период и, можно сказать, благодаря этой инерции и сегодняшняя Россия не потеряла окончательно представлений о личной свободе человека, свободе выбора, политическом доверии, смысле процедур, об обязанности заботы о слабых. Наличие в России и странах СНГ ответственного меньшинства, которое группируется вокруг независимо мыслящих учителей, священников, правозащитных лидеров, а иногда даже в политические партии – результат реформ середины XIX в. Других позитивных, формирующих граждан, а не подданных, общественных реформ Россия не знала.

Однако не было осмыслено как государственная задача формирование в России целостного общества. Российское общество было и оставалось поделенным на плохо взаимосвязанные между собой сословия, слои и касты, которые жили в абсолютно разных традициях, в разных социокультурных измерениях, и постоянный конфликт на некоторых из существовавших «линий раздела» был неизбежен, а развитие промышленности и транспортной инфраструктуры и относительное ослабление контроля над личностью лишь усиливало проявления этого конфликта в виде террора, насилия и заговоров вплоть до 1917 г. Несмотря на усилия реформаторов, не хватало не только обратной связи обще-

ства с властью, но элементарной связи разных социальных страт общества, что в итоге и разрушило страну.

Соответствующая по масштабу политическая реформа тормозилась страхом перед возможной (даже частичной) утратой контроля за происходящими в стране процессами. В этой особенности государства и его отношений с народом заключена фундаментальная причина того, что именно Россия не справилась с общеевропейскими (учитывая тогдашние геополитические реалии – глобальными) «вызовами» начала XX в. Сложность проблем, стоявших перед страной, очевидно, превосходила возможности традиционной модели отношений между государством и обществом.

На фоне потрясений Первой мировой войны нарастающие противоречия между развивающимся практически спонтанно обществом и стагнирующим государством, а также обусловленная особенностями политической системы неопытность представлявших гражданское общество парламентских политиков в вопросах непосредственного государственного управления, привели к катастрофе переворота в 1917–1918 гг.¹⁵.

¹⁵ Отметим также, что поддержка большевиков значительной частью крестьянского населения в ходе Гражданской войны не была анти-модернизационным «всплеском архаики», свойственным традиционному сознанию. Нам представляются обоснованными доводы В.В. Кондрашина, который считает, что крестьянство, поддержавшее большевиков в ходе Гражданской войны, было мотивировано только реализацией идеи «черного передела» земли; в дальнейшем же крестьяне и их традиционный менталитет, с которым большевики столкнулись в ходе Гражданской войны, воспринимались советской властью только как препятствие для осуществления ее планов [Кондрашин 2009].

Двойственность сознания: активация негатива

Принципиальная неудача реформ 1990-х в том, что разрыв, отчуждение между народом и государством так и не был преодолен. В результате при наличии в обществе позитивного, десятилетиями накопленного модернизационного потенциала реформы в том виде, в котором они были осуществлены, уничтожали опорные точки модернизации и активировали архаичные комплексы. В последние годы «уход» как средство решения проблем стал распространяться особенно быстро.

Специфика состояния общественного сознания нынешнего рубежа тысячелетий (обусловленная особенностями отечественной истории, в том числе и тем, что трансформация традиционного общества проходила в значительной степени в условиях самодержавия и тоталитарной системы) – это не социокультурные различия между общественными группами, а внутренняя расколотость сознания каждого человека, ведущая его к нестабильности и противоречивости, неустойчивости или даже отсутствию иерархии ценностей.

Как в общественном, так и индивидуальном сознании одновременно присутствуют и архаичные, и адекватные времени модели мышления и поведения. Соотношение между этими частями постоянно меняется. Вопрос в том, какая часть сознания актуализируется лидерами общественного мнения, политиками, обстоятельствами, внутренней политикой, мировым контекстом.

Мы считаем, что причины и истоки сегодняшнего состояния общественного сознания – апатии, безразличия,

правового нигилизма, слабости института частной собственности, мафиозности государства, неразвитости гражданского общества и деградации общества в целом, прежде всего, в характере и методах проведения реформ 1990-х гг. и в политике, активно осуществляемой руководством страны на протяжении последних двадцати лет, а не в исторически сложившейся «русской ментальности».

Исторически обусловленные социально-психологические проблемы, культурные особенности, осложняющие проведение реформ, конечно, были, но это естественные и хорошо известные условия работы политической элиты, государственных структур, политических партий и общественных организаций, лидеров общественного мнения. Они в разных странах разные, но есть практически везде.

В то же время в позднесоветском обществе определенно присутствовал реформаторский потенциал, сочетавший возможность экономических преобразований с качественно новым уровнем социального развития. Его носителями были, прежде всего, образованные слои советского общества – ученые и преподаватели вузов, инженеры, учителя, врачи, квалифицированные рабочие и т.д. В конце 80-х – начале 90-х они обладали колоссальным позитивным настроением, представляли абсолютно массовое желание изменить жизнь к лучшему¹⁶.

Если бы приватизация была осуществлена по сценарию, о котором мы писали выше, и была денежной, а не ваучерной, если бы не было конфискационной гипе-

¹⁶ О модернизационном потенциале, в частности, свидетельствует быстрое развитие массового кооперативного движения, в котором проявлялось стремление к новым формам организации труда, к новым экономическим отношениям.

ринфляции, уничтожившей сбережения граждан (которые наряду с жильем и были самой распространенной формой собственности, массово доступной советским людям), то появилась бы реальная частная собственность, массовый настоящий собственник, мелкий и средний, а позднее на этой основе – и крупный. Такая собственность имела бы гораздо больше оснований для восприятия обществом в качестве заработанной, а не полученной по случайно-избирательному принципу или внеправовым способом¹⁷. Вокруг нее можно было создавать правовую и государственную систему: таким образом, можно было обеспечить необратимость институциональных изменений, для которых свобода и создание незыблемого института частной собственности важнее, чем эфемерная финансовая стабилизация и развернутая вокруг нее политика коррумпирования политиков со стороны государства¹⁸.

¹⁷ Гиперинфляция, неизбежно последовавшая за либерализацией цен в 1992 г., выглядела как широкомасштабный отъем частной собственности. Ваучерная приватизация не стала и не могла стать компенсацией совершенной несправедливости. Она апеллировала к другому, «шариковскому» принципу перераспределения общественного богатства – уравнительному распределению. Важно заметить, что негативное отношение россиян к приватизации базируется, прежде всего, не на иррациональном неприятии частной собственности как таковой, а на вполне рациональном убеждении в незаконности происходившего. В середине 1998 г. 63% опрошенных полагали, что приватизация проводилась с нарушениями закона [Докторов, Ослон, Петренко 2002, с. 84–85].

¹⁸ На наш взгляд, прошедший век не уменьшил актуальности слов Е.Н. Трубецкого: «Манифест 17 октября до тех пор останется неисполненным обещанием, пока он не найдет действительной опоры в самих демократических слоях общества, при том не только в городах, но и в деревне. Чтобы воспитать нашу крестьянскую массу в этом настроении, есть один верный способ – приобщить

Радикальные реформаторы с помощью конфискации и последующего уравнительного распределения ваучеров вновь навязали обществу вульгарную и заведомо несбыточную «идею равенства». Разрастание «теневых» процессов в экономике, трудовых, социальных взаимоотношениях стали мейнстримом повседневной жизни, в которой для того, чтобы выжить и преуспеть, надо было не следовать закону, а постоянно его нарушать.

Важно подчеркнуть, что это в значительной степени было государственной политикой. Государство само стало центром и законодателем «теневой моды».

Реформы проводились таким образом, что именно те, кто были опорой и движущий силой перемен перестроечного времени, представители так называемого «советского среднего класса», были уничтожены резким снижением уровня жизни и социального статуса в сочетании с невозможностью самореализации в новых условиях. На их место пришел новый специфический средний класс 1990-х гг., образовавшийся за счет сверхдоходов от продажи природных ресурсов. Поэтому он представлял собой не самостоятельную в экономическом отношении страту, а зависимые от правящего слоя группы, занимавшиеся финансовым, управленческим, информационным

ее к собственности. Наш крестьянин тогда только в должной мере проникнется уважением к «действительной неприкосновенности личности», когда сам он станет независимой личностью; для этого необходима, прежде всего, независимость экономическая. Мелкая индивидуальная собственность и есть то самое, что воспитывает в крестьянине уважение как к своему, так и к чужому праву: она представляет собою незаменимый противовес тому хулиганству, как индивидуальному, так и массовому, которое вырастает в атмосфере народной нищеты и служит главной опорой всеобщего бесправия» [Трубецкой 1911, с. 193].

и юридическим обслуживанием его интересов [Рябов 2005, с. 11].

Поиск оправдания «реформаторами» этого своего действительно исторического провала и является основой спекуляций о «некачественности народа», его отсталости, архаичности, антибуржуазности и прочее, подкрепляемого сознательным формированием устойчивого мнения (стереотипа) о противоположности реформ и национальной традиции, национального характера. При этом разговоры об «узости массового сознания, о толпе, об обществе потребления» – это лишь прикрытие сознательных и несознательных ошибок и преступлений: «во всем виноваты не мы, такие умные, цинично-решительные реформаторы, а они – тупые, отсталые и ни к чему не стремящиеся».

Отказываясь от профессионального анализа осуществленных реформ и признания ошибок, адепты реформаторов стали пропагандировать точку зрения о том, что реформа в России – это, прежде всего, «ломка» национальных традиций, принципиальная смена «культурного кода», что они если не противоположны, то перпендикулярны нравственному идеалу общества.

Таким образом, то, как были осуществлены реформы в 1992–2000 гг., привело к разрушению модернизационного потенциала общества, к серьезным негативным изменениям в сознании. И дело здесь, прежде всего, не в «разочаровании» в демократии, демократах и демократических лозунгах, а в контрпродуктивности экономической политики, приведшей к развалу социальной структуры общества, примитивизации жизненного уклада, деструкции иерархии ценностей, архаизации моделей мышления и поведения.

В 1992–2000 гг. исторически сложившийся разрыв между народом и государством не только не был преодолен, но и увеличился. Нарастание этого разрыва после прихода к власти В.В. Путина уже подвело, на наш взгляд, страну к весьма опасной черте.

Учитывая двойственный характер сознания и его раскол, можно утверждать, что та политика реформ, которая осуществляется с 1992 г. по настоящее время, активно апеллировала и продолжает апеллировать к наиболее деструктивным элементам народного сознания, его наиболее отсталым и консервативным формам и моделям поведения, задает вектор движения в сторону деградации и ментальной косности, глубокой инверсии. Короче говоря, каковы реформаторы и их реформы, таков и народ. Если проводить другую политику и подавать другие активизирующие сигналы – о равенстве перед законом, независимости суда, неприкосновенности собственности, подконтрольности и подотчетности властей и т.п. – народ будет сознательным сторонником и участником реформ, как мы это наблюдали в 1987–1991 гг. Поэтому причина провала реформ и нынешнего плачевного положения нашей политической и экономической системы вопреки распространенной точке зрения в кругах нашей либеральной общественности не в «некачественности народа», его отсталости, архаичности, антибуржуазности и пр., а в допущенных в ходе реформ грубейших ошибках, о которых мы сказали выше и сознательной политике направленной на социально-политическую деградацию и деструкцию.

Такой вывод, если он справедлив, означает, что не российский народ, его культура, традиции и история являются препятствием для модернизации экономики и страны, а сле-

довательно, не в этой плоскости лежит причина сегодняшнего ощущения бесперспективности.

На перспективах российского общества и проблемах его модернизации мы остановимся подробнее.

Периферийный капитализм: отсутствие перспективы

Рост доходов в последние десять лет привел только к консолидации и консервации тех негативных явлений, которые сложились в 90-е гг. как в отношении структуры общества, так и в направленности ее развития. «Средний класс» сегодняшней России по-прежнему формируют профессиональные чиновники, те, кто связан с экспортом сырья, представители сферы обслуживания.

«Укрепление государства» 2000-х – это не изменение сложившихся в первое постсоветское десятилетие взаимоотношений власти и крупного бизнеса, а уничтожение гражданской альтернативы. В начале десятилетия проводилась активная политика подмены и имитации, которая затем сменилась прямым подавлением.

Самым серьезным социальным следствием политики власти постсоветского двадцатилетия стала активация схемы «ухода» – сначала как реакция на шоковый характер реформ, а затем на авторитаризм и равнодушие власти. Современные формы «ухода» – эмиграция, в том числе «утечка мозгов», социальная пассивность, политическая апатия¹⁹, уход в тень

¹⁹ Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) только с 2005 г. по март 2011 г. доля тех, кому политика интересна, сократилась с 48 до 39%, а тех, кто не уделяет ей

экономику, расширение и углубление криминализации социального поведения значительных слоев общества; актуализация дезинтеграционных процессов – инфраструктурных, социально-политических, региональных, асоциальное поведение (алкоголизация, наркотизация).

Подчеркнем, что речь идет не о последствиях экономического кризиса, которые можно сгладить дополнительным финансированием и компенсировать за счет очередного скачка скачком цен на энергоносители. В системе периферийного капитализма рост доходов не пропорционален росту качества населения²⁰.

внимание, напротив, увеличилась с 50 до 59% [ВЦИОМ, 2011 – 3]. При этом 58% россиян считают, что политика «дело грязное» и высоко нравственных людей в ней быть не может [ВЦИОМ, 2011 – 4].

Один из ведущих отечественных экспертов по проблемам коммуникации Иосиф Дзялошинский отмечает: «Социологи и политологи знают, что, начиная примерно с 2000 года, все большая часть населения уходит в «приватизацию» жизни. По моим данным, около 70% россиян вообще изъяли себя из общественной и публичной сфер! Гражданин у нас ни за что и ни перед кем не отвечает, кроме как перед своими чадами и домочадцами» [Дзялошинский 2011].

²⁰ См. Н. Зубаревич, которая утверждает: «Принято считать, что корень социальных проблем – в низких доходах, а с ростом доходов повысится и качество населения. В долгосрочной перспективе такая взаимосвязь существует, но нельзя забывать о роли социокультурной среды, которая крайне важна для России. Многие регионы и города страны плохо приспособлены для полноценной жизни, а рост доходов без модернизации образа жизни может привести к снижению качества населения. Например, проблема СПИДа и наркомании как основного канала распространения инфекции наиболее сильна в богатых регионах и городах (особенно ресурсодобывающих) без достаточно развитой социальной среды, таких как Иркутская, Самарская, Свердловская области, Ханты-Мансийский АО и др. Это проблема «потерянного» поколения – молодежи из небедных семей, но без развитых потребностей и мотиваций. Темпы роста численности инфицированных остаются высокими, география расширяется, поэтому качество молодого населения даже в богатых регионах может снижаться» [Зубаревич 2008, с. 187-188].

При сохранении относительной стабильности и основных рычагов управления у государства существующая ситуация – это путь к росту апатии, безынициативности общества, к окончательному закрытию возможности выхода России в число ведущих мировых экономик и интеллектуальных центров мира. При неблагоприятном развитии событий и нарушении стабильности возможен новый коллапс государства, которое также как в 1917-м и 1991-м гг. останется без общественной поддержки один на один с деструктивными процессами и силами. Опереться будет не на кого; разрыв между рейтингами первых лиц, на который обычно ссылаются, говоря о поддержке власти населением, и рейтингами абсолютного большинства государственных институтов, показывающие отношение граждан к государству, очень велик²¹. Необходимо также отметить, что риски, связанные с авторитарным государством, ориентированным на внешнеполитическую конкуренцию, возрастают. К распаду государства может привести внешнеполитическая авантюра, несравнимо меньшая по масштабу, чем Первая мировая война или холодная война.

²¹ Согласно индексу доверия к политикам ВЦИОМ самый высокий индекс доверия в середине марта 2011 г. у В.В. Путина (40), за ним следует Д.А. Медведев (от 32), далее с огромным отрывом С. Шойгу с показателем 4 и С. Иванов – 1 [ВЦИОМ, 2011 – 1]. Индекс одобрения деятельности президента – 38, премьер-министра – 42, возглавляемого им правительства – 17, а рейтинг доверия Государственной Думе в 2011 г. еще не выходил из минуса [ВЦИОМ, 2011 – 2]. Та же тенденция отражается в показателях участия россиян в политической и общественной жизни – на фоне прогрессирующего снижения общественной активности число «неучаствующих» становится меньше только в годы федеральных выборов: 2004 – 32% «неучаствующих», 2006 – 52%, 2008 – 45%, март 2011 – рекордный 61% [ВЦИОМ, 2011 – 4].

Объективная потребность в реформах, в модернизации абсолютно очевидна почти всем. Возможно, это не до конца ясно только на самом верхнем бюрократическом этаже общественной пирамиды, где достижение и удовлетворение частных целей или интересов создает иллюзию движения, в целом, в правильном направлении. Однако на нижних, средних ее этажах острота проблем общественного масштаба ощущается отчетливо и уже не может быть заслонена мелкими частными приобретениями и успехами.

Почему же ощущения дискомфорта, испытываемое сегодня большинством общества, и понимание вышеприведенных весьма тревожных тенденций, которыми переполнена наша либеральная пресса, не выливается в борьбу за социальные и политические права, в голосование за оппозицию на выборах и иные формы политической активности? Еще раз подчеркнем, что дело, по нашему мнению, не в ментальной архаике и патриархальности традиций.

Первая реальная проблема, связанная с состоянием общественного сознания, – это уже отмеченное нами распространение различных форм «ухода».

Во-вторых, уже внутренняя политика «реформаторов» 90-х, атомизировав и грубо индивидуализировав общество и практически ликвидировав фальсификациями голосования на президентских выборах и игнорированием мнения парламента связь между результатами выборов и социально-политической жизнью в стране, сделала мысли о переустройстве уклада жизни мечтами, мало соотносящимися с повседневной практикой. Внутренняя политика 2000-х окончательно закрепила эту тенденцию: несмотря на то, что люди хотят перемен и готовы им способствовать, они не ве-

рят в их реальность, в принципиальную возможность разорвать порочный круг политического сущего. По-европейски рациональной реакцией на сегодняшнюю социально-политическую действительность является приспособление, а не протест.

Кроме того, препятствием для движения к организации общественной жизни, соответствующей времени, часто становится не косность мышления, не традиция, а упрощенно, инверсионно усвоенное представление о прогрессе²². Доказательство – дискуссия о модернизации, которая мечется между советско-азиатским идеалом модернизации сверху, «жесткой рукой» и идеалом свободы, основанном на ельцинских 90-х. Несмотря на это, для нас очевидно, что общественная потребность в реальной модернизации, направленной на создание нового качества жизни, будет пробивать себе дорогу даже в условиях укрепившегося в последние годы общественного застоя, располагающего к конформизму и уходу от активных проявлений протестных настроений.

²² В 2001 г. во время событий вокруг силовой ликвидации телекомпании НТВ и холдинга Медиа-Мост в целом наибольшим, на наш взгляд, препятствием для консолидации общества была не традиционная пассивность (митинги в защиту НТВ собирали тысячи человек, подписей собиралось на порядки больше), не «державность», уходящая корнями в «московскую» историю, а утвердившееся в новом «среднем классе» представление о корпоративной этике. Дело здесь не только в том, что многие журналисты стыдили коллег, осмелившихся не по-современному «жить кишками наружу», а в том, что подобного рода тезисы упали на благодатную почву. Да и на смену пришли не дикторы ЦТ советской выучки, а амбициозный «второй эшелон» журналистов, профессионально сформировавшихся в 90-е. В этом контексте только с улыбкой можно отнестись к рассуждениям о «социокультурном расколе общества», наличии «культурного авангарда», обладающего современным сознанием и инертной массой, «гасящей» модернизационные импульсы.

При этом нельзя просто положиться на то, что снижение авторитарной нагрузки на социально-политическую систему, предоставление гражданам реальных политических и гражданских свобод постепенно выведут страну на перспективный путь развития.

Описанное нами в предыдущей статье расколотое, эклектичное сознание нестабильно, оно находится в движении. Если оно не будет двигаться к современной европейской организации взаимоотношений между обществом и государством, оно будет деградировать и «сваливаться» в национализм, реваншизм, вместо следования к реальной цели будет стремиться в мир утопий и фантомов.

Один из главных уроков наших реформ заключается в том, что само по себе, «невидимой рукой» ничего позитивного не делается, происходит только накопление энтропии, которое затем выливается в хаос и развал.

Что и как делать – Дорожная карта российской модернизации

Сегодня мы видим свою задачу в том, чтобы, не дожидаясь грядущих кризисов, попытаться сформулировать и предложить своего рода «дорожную карту» будущих российских реформ, исходя из реалий в стране и мире и из фактически имеющихся, а не воображаемых возможностей российской власти. Итак, что для этого необходимо? В первую очередь, необходимо внести ясность в вопрос о конечных целях. Ныне существующая ситуация, когда отсутствие стройной и непротиворечивой системы представлений о будущем стра-

ны компенсируется абстрактными лозунгами «величия и процветания», аморфной и беззубой идеологией «центризма» или тавтологичными заявлениями о свободе, не может быть более терпима. Необходимо определиться, какие ценности будут культивироваться в нашей стране с ее противоречивым прошлым и не менее противоречивым настоящим; какое место она будет занимать в мире – в мире, который в обозримом будущем неизбежно будет оставаться внутренне разделенным, – через десять, пятнадцать, двадцать пять лет.

Нравится это нам или нет, но реальность нашего времени такова, что мир продолжает оставаться крайне неоднородным – наряду с группой стран, концентрирующих у себя большую часть наиболее ценных экономических ресурсов, в первую очередь, интеллектуальных и технологических, а также финансовых и силовых, существует и будет существовать огромная мировая периферия, лишенная доступа к основной части благ, являющихся результатом использования этих ресурсов. Для России как страны, находящейся сегодня в «серой зоне», где имеются объективные предпосылки для движения в разных направлениях, существуют только два пути: либо, используя эти предпосылки, попытаться стать частью ядра мирового капиталистического хозяйства (этот путь условно можно назвать «европейским выбором» для России), либо искать свое место на его периферии. Можно приводить аргументы в пользу того или другого варианта, но очевидным должно быть одно – никакого «третьего», «евроазиатского», какого угодно «своего» пути нет и не будет.

Страх поступиться частью собственного суверенитета как аргумент против «европейского» или «евроатлантического» пути для России понятен и даже отчасти обоснован.

Но единственная альтернатива – место на периферии мировых процессов. Она также неизбежно связана с ограничением государственного суверенитета – не обязательно формальным, но по существу еще более значительным, поскольку суверенитет и независимость имеют смысл только в той степени, в какой имеются практические возможности их реализации. Суверенитет слабого и зависимого – это как свобода без денег: вроде бы есть, а воспользоваться невозможно.

Компас для реформ

Если же мы посмотрим на то, чем отличаются страны, входящие в первую группу, от остальных, то нельзя не признать в качестве общей и объединяющей их черты наличие определенного набора базовых ценностей, к которым в первую очередь относятся приоритет прав человека, в том числе права собственности, индивидуальная свобода и понятие социальной справедливости.

Можно спорить о том, что первично – эти ценности или экономическая эффективность. Является ли относительное экономическое процветание этой группы стран следствием приверженности их политической элиты названным ценностям или, наоборот, экономическое благополучие создает возможности для относительно более полной реализации принципов личной свободы, безопасности и сглаживания социального неравенства? Представляется, что истина в этом споре лежит где-то посередине, но главное в другом. Признавая, что было бы контрпродуктивно, да и просто глупо пытаться немедленно перекроить ткань обществен-

ных отношений в строгом соответствии с названными ценностями, нельзя вместе с тем не видеть, что без формулирования их как общественных целей, как ориентира при выборе стратегии никакие реформы как средство модернизации российского общества невозможны. Модернизация государства без человека, без провозглашения и реального приоритета интересов конкретного гражданина неизбежно приведут нас в ряды наций бедных и бесправных, то есть в конечном итоге к ситуации, прямо противоположной задачам модернизации.

Итак, первым шагом на пути реальной модернизации и эффективных реформ как ее инструмента должно быть принятие в качестве базовых ценностей – человека и гражданина и его свобод; его права на собственность и одновременно на социальную справедливость; приоритета института права по отношению к соображениям политической целесообразности и субъективными представлениями о ней конкретных лиц, наделенных властью и собственностью. Естественно, речь идет не о слепом следовании этим принципам во всех возможных ситуациях, но о принятии их в качестве главных, базовых ориентиров. Другими словами, понятия правового государства, гражданских прав и свобод, социальной справедливости должны стать своего рода компасом «дорожной карты» российских реформ.

Мы также должны трезво отдавать себе отчет, что подлинные реформы, которые еще только предстоит начать, стартуют не с чистого листа. Нынешнее российское общество – отнюдь не *tabula rasa*, у него есть своя история, да и у самих реформ – предыстория в виде весьма неоднозначных событий последних полутора десятилетий, которые на-

ложились на имперскую самодержавную и советскую тоталитарную традицию. Соответственно, прежде чем начинать собственно реформы, необходимо определиться с существующими условиями и, главное, извлечь уроки из провалов в недавних реформах, а также подвести некую черту под нынешним периодом российской истории со всеми его политическими, социальными и экономическими последствиями.

Как осуществлять реформы в России, чтобы они были эффективными, глубокими и необратимыми? Осмысление теории реформ с учетом российской культурной и исторической традиции и критический анализ их практики позволяет сформулировать некоторые уроки²³.

Урок первый. Главный объект реформы, претендующей на эффективность в условиях XXI в. – общественное сознание. Реформа утверждается через мотивы и ценности, через сложившуюся культуру, и именно в этом смысле в конечном счете – через законы. При этом общество и его сознание нельзя «ломать через колено». Реформам нужно прорастание, а не перелом. Никакие решения не могут быть реализованы, если они противоречат жизненным интересам абсолютного большинства людей.

Урок второй. Нельзя раскалывать общество. Цель модернизации – интеграция общества, а не его разделение. Носители модернизации, ее движущие силы, очаги и островки должны быть связаны со страной. Концепция модернизационного «локомотива», который подтянет к себе всю страну, не сработает. Государство должно быть инструментом интеграции общества, а не «локомотивом реформ», опережающим общество. Необходимо формирование такой

²³ См. также А.С. Ахиезер «Россия: критика исторического опыта». Том III. – М.; Изд-во ФО СССР, 1991, стр. 295-322.

государственности, которая осуществляет задачу интеграции массового сознания.

Урок третий. Не следует искать готовых решений в своем или чужом прошлом. Нельзя копировать готовые решения, необходимо выработать пути трансформации, применимые к данному обществу в данный момент.

Урок четвертый. Скорость реформы – не главное. Постоянное ожидание быстрого эффекта и истерия по этому поводу крайне вредны в стратегическом плане. Это очевидно на расстоянии, но надо научиться видеть это внутри процесса.

Урок пятый. Необходимо избегать «реформаторского фетишизма» – сведения реформы к одному элементу, например, к экономике, а внутри экономики – к монетаризму.

Урок шестой. В целом, реформа – это не поход армии. Это тропинка, которая иногда исчезает. Это выращивание будущего из небольшого первоначального звена, обладающего зачаточными чертами реформы.

Власть

С точки зрения необходимости подведения черты под прошлым и создания необходимых условий для осуществления реформ первым вопросом является вопрос о власти. Нынешняя официальная власть в России (мы здесь имеем в виду не только главу государства, но всю систему государственной власти на всех ее уровнях) есть продукт полутора десятилетий, включавших в себя неоднократные колоссальные политические потрясения (достаточно вспомнить 1991 и 1993 гг.), неоднократные нарушения

политической преемственности, кулуарную разработку и фактическое навязывание обществу системы организации государственной власти и ее почти перманентную перекройку. Более того, на этом фоне власть неоднократно лгала обществу, подменяла понятия, отказывалась от своих обязательств перед ним. Все это не может не сказываться на восприятии обществом государственной власти в плане ее легитимности – пусть не в форме прямого и публичного оспаривания последней (такие вещи сравнительно легко поддаются пресечению и контролю), но в форме скептического и цинично-равнодушного отношения населения к деятельности государственных институтов и готовности саботировать любые их решения. Одновременно власть унаследовала в полной мере традиции предыдущей эпохи, которые были заложены еще Сталиным.

Для действительных реформ такая ситуация – очень мощное, если не непреодолимое препятствие. Для того чтобы созидательные реформы могли иметь шанс на успех, доверие населения к институтам государства, авторитет закона и государственных решений вообще должны быть существенно выше, чем мы имеем сегодня: другими словами, государственная власть сегодня нуждается в новой легитимности.

Во-первых, через предоставление более широких возможностей доступа к рычагам государственной власти представителям политических и социальных групп, альтернативных правящей, в обмен на гарантии с их стороны уважения основ конституционного строя и незыблемости принципов построения и функционирования системы власти в стране.

Во-вторых, через «деолигархизацию» власти. Необходимо принятие путем компромисса пакета законов, ограничивающих политическое влияние крупных собственников путем резкого повышения прозрачности процесса принятия экономически значимых решений и формулирования четких и не подлежащих двойному толкованию оснований для отмены государственных решений, вынесенных в интересах отдельных групп и личностей в обход установленных законом процедур, а также привлечения к ответственности их инициаторов.

Говоря в целом, необходимы качественные изменения в системе «человек-общество-государство», создание государства, которое люди считали бы своим. Для этого нужны реформы или модернизация, суть которой в сложившихся условиях в достижении следующих трех целей:

- закон должен стать одинаковым для всех;
- создание реально действующей системы разделения властей;
- обеспечение неприкосновенности частной собственности.

Однако наблюдение за процессами, происходящими в обществе и общественном сознании, а также анализ попыток и проектов реформ последних 20 лет, все больше утверждает нас в мысли, что эти меры необходимы, но недостаточны и, более того, нереализуемы в полной мере без коренного преобразования российского государства на основе восстановления исторической преемственности.

Именно поэтому мы говорим не о дополнительной легитимации существующего государства, а о новой легитимности, фактически о переосновании государства.

Современная Россия должна продолжить и завершить политическую трансформацию от самодержавия к демократии, начатую весной 1917 г. и прерванную антигосударственным переворотом октября 1917 г. и разгоном всенародно избранного Учредительного собрания.

Подробное обоснование и хотя бы примерные рамки этого проекта – тема для отдельной работы. Здесь же отметим, что обязательными его элементами являются:

- ясная и недвусмысленная правовая, политическая и нравственная оценка насильственного захвата власти, совершенного большевиками в 1917–1918 гг., характера и природы созданного ими политического режима и его последующей деятельности;
- разработка комплекса мер по восстановлению единства российской правовой системы, устранению последствий преступлений и беззакония советской системы;
- подготовка и проведение в ближайшие десять лет Учредительного собрания, принятия новой Конституции, закладывающей основу действительно правовой системы несоветской России.

Учредительное собрание – тема не новая. Тем не менее, очень возможно, что она станет в недалеком будущем весьма актуальной. Поскольку мы считаем безусловным приоритетом недопущение любых форм насилия, то формой процесса продвижения к Учредительному собранию мог бы стать диалог с властями, например, в форме круглого стола, позволяющий искать компромиссные и промежуточные решения, сохраняя при этом главную цель – изменение политической системы – создание в России правопо-

го государства, основанного на международных стандартах прав и свобод человека, сменяемости власти при помощи свободных и справедливых выборов, независимости правосудия, неуклонного соблюдения прав частной собственности. Стратегия и тактика такого круглого стола, состав его участников и многое другое, связанное с этим, – тема для отдельного разговора²⁴.

Суд

Вопрос о судебном арбитраже как независимом институте хозяйственной и политической жизни является ключевым для всей системы модернизации. Точно так же, как никакая сколько-нибудь сложная спортивная игра не может быть организована без независимого нейтрального судейства, так и экономическая и политическая системы развитого общества не могут функционировать без института независимых арбитров, в роли которых выступают государственные и арбитражные суды, которые должны практически обеспечить равенство всех перед законом и не могут быть объектом чьих-либо санкций по любым иным основаниям, кроме отступления от закона при принятии судебного решения.

Российская судебная система в том виде, в котором она существует сегодня, – это продукт иных общественных отношений, институт, в течение многих лет и даже десятилетий действующий по иным принципам и укомплектованный людьми, привыкшими лишь в минимальной степени

²⁴ Идея необходимости политического круглого стола в России по типу польского круглого стола (весна 1989 г.) неоднократно высказывалась известным правозащитником С.А. Ковалевым.

зависеть от закона, и в огромной степени – от мощных политических и экономических интересов. Игнорировать это обстоятельство при планировании процесса реформ – совершенно недопустимая ошибка, но и полная замена штата судей, равно как и штатов правоохранительной системы в целом, – вариант технически и политически неосуществимый. Поэтому и здесь обязательным условием является своего рода подведение черты под прошлым; своего рода амнистия за прошлые «грехи» судебно-правоохранительной системы при резком ужесточении ответственности ее работников за любые будущие отступления от буквы закона, которые в их случае должны рассматриваться как тяжкие уголовные преступления. Такая «амнистия» должна означать, например, неприменение санкций к судьям за ранее вынесенные неправосудные приговоры; однако одновременно она должна сопровождаться созданием механизма пересмотра таких приговоров: их многочисленные жертвы продолжают находиться в заключении, либо остаются пораженными в правах.

Собственность

В целом вопрос о неприкосновенности собственности ясен. Его решение зависит во многом от политического курса и воли. Но имеется некая составляющая в этом вопросе, которая вызывает существенные противоречия в обществе, – это проблема крупной частной собственности, основная часть которой так или иначе связана с итогами и особенностями приватизации бывшей «социалистической» государственной собственности. Очевидно, что сегодня сте-

пень легитимности крупной частной собственности явно недостаточна, чтобы обеспечить активное участие и сотрудничество крупного бизнеса в процессе модернизационных реформ. С другой стороны, столь же очевидно, что вопрос о легитимации приватизации и возникших в ее результате отношений не имеет простого и однозначно правильного решения, так как в этом случае мотив защиты института собственности противоречит соображениям социальной справедливости, которые, в свою очередь, представляют собой важнейший элемент необходимого для успеха реформ социального консенсуса. Нужно будет принимать специальный пакет законов.

Первая часть этого пакета должна признать сделки по приватизации легитимными (кроме тех, где были совершены убийства и другие тяжкие преступления против личности) и ввести единовременный компенсационный для общества налог на чрезвычайную прибыль – windfall tax, при этом способ определения и величина налога – вопрос для обсуждения. Вторая часть пакета включает в себя работоспособные действующие антимонопольные законы и законы о защите конкуренции, а также об ограничении концентрации капитала. Третья часть состоит из законов о прозрачности финансирования политических партий, о прозрачности лоббирования в Государственной Думе, в других органах, об общественном телевидении и целый ряд антикоррупционных законов, в том числе и об ограничениях прав бизнесменов, чиновников и членов правительства, которые воспользовались коррупционной приватизацией 90-х гг.

Также как и в случае с властью, вопрос о собственности должен быть урегулирован на основе некоего компро-

миссного решения. Оно, с одной стороны, обеспечило бы гарантии неизыблемости прав собственников при условии соблюдения ими буквы закона, а с другой, в интересах общества сформулировало бы правила распоряжения активами, которые были получены в результате бюрократической приватизации, то есть на базе нерыночных в своей основе механизмов и процедур. Конкретные схемы и варианты такого рода правил могут быть различными (например, правила оборота этих активов и участие в составе их номинальных собственников или управляющих структур нерезидентов и любого рода непрозрачных структур, и др.). Важно при этом принять такие правила, которые сведут к минимуму искажения мотивации собственников в отношении эффективности использования оказавшихся в их распоряжении активов и одновременно позволят сохранить определенный уровень контроля над их использованием с точки зрения соответствия общественным целям.

Тот же принцип должен быть применен и для легитимации собственности, приобретенной не только в процессе приватизации и с существенными нарушениями налогового законодательства. Гарантии права собственности на деньги и активы, приобретенные некриминальными методами, но без уплаты налогов, могут быть предоставлены в обмен на некоторые ограничения при их использовании (обязательный, хотя бы и временный перевод денежных средств в российскую банковскую систему, уплата постфактум подоходного налога с официальной амнистией по допущенным налоговым нарушениям и т.п.). Для того чтобы нормировать механизмы отчуждения собственности у владельца, использовавшего для ее получения особо тяж-

кие преступления – убийства, захват заложников и т.п., – должен быть принят закон о порядке реприватизации.

Меры доверия

Предлагаемые действия потребуют существенного изменения общественной атмосферы, хотя бы некоторой тенденции сближения народа и государства. Словами, призывами, обещаниями, программами, учитывая наш опыт, уже ничего нельзя сделать. Нужны решительные действия. И они возможны.

Если говорить о той части граждан, которую принято называть либеральной интеллигенцией, то шагом ей навстречу является амнистия М.Б. Ходорковского. Что же касается абсолютного большинства россиян, то здесь задача сложнее. Для ее решения нужно соединить имеющиеся ресурсы с реальной заинтересованностью народа и политической волей государства. Объединяющей идеей для наших людей, реализация которой способна вызвать доверие к власти, могло бы стать кардинальное решение жилищной проблемы. Собственное жилье – вековая мечта народа в России. А уникальность нынешнего момента в том, что впервые в истории у России есть для этого необходимые ресурсы: они накоплены в последние восемь лет благодаря очень высоким ценам на нефть и другое сырье.

Старт российской модернизации должен заключаться в политике обустройства жизни абсолютного большинства граждан и экономическом освоении Сибири и Дальнего Востока, а не в Сколково, разработке новых электронных гаджетов, мобильных телефонов и нанотехнологий. С эко-

номической точки зрения нам нужна чрезвычайная по своим масштабам общенациональная политика стимулирования и развития внутреннего спроса – действительно массовое строительство индивидуального жилья, выдача земли под строительство миллионам людей, решение «проблемы» общежитий, ветхого жилфонда, коммуналок...

Строительство жилья – мощный экономический мультипликатор. Каждый работник, занятый в жилищном строительстве, обеспечивает работой в течение года как минимум трех человек: в промышленности стройматериалов, в транспортной индустрии, связанной со строительными работами, и в торговле стройматериалами. Можно ожидать появления не менее 2 миллионов новых рабочих мест в течение ближайших двух лет.

Второй пункт программы – земля и создаваемая за счет государства инфраструктура – обеспечение водой, электроэнергией и газом. Массовая бесплатная передача земли с инфраструктурой в частную собственность под застройку семейных домов станет критическим шагом.

А третья – дороги. Жилищное строительство неразрывно связано со строительством дорог, ремонтом мостов, плотин, развитием транспортной инфраструктуры, созданием новых общественных зданий и сооружений, школ.

В самом общем виде финансирование программы «Дома – Земля – Дороги» может осуществляться за счет большей части средств Резервного фонда (755,8 млрд руб. на 1 марта 2011 г., к концу года, согласно прогнозам правительства – 1,5 трлн руб.), Фонда национального благосостояния (2 трлн 632 млрд руб. на 1 марта 2011 г.), а также некоторой части золотовалютных резервов государства.

С учетом экономически обоснованных ограничений правительство вполне может выделить на строительство домов, жилья и дорог не менее 14 трлн руб. По нашим расчетам, это примерно 1,8 млрд. кв. метров жилья. Это значит, что можно обеспечить 14 млн. семей жильем в среднем по 130 кв. метров на каждую семью.

Но возможно самым главным станет то, что в реализации этой программы понятный и очевидный интерес абсолютного большинства нашего народа – обретение собственного современного дома – для себя, для детей, для внуков. Это, на наш взгляд, реальный механизм разворота общественной атмосферы в сторону модернизации и жизненно необходимых реформ.

После реализации названных предварительных условий можно будет приступать и собственно к процессу модернизационных реформ, содержание которых во многом самоочевидно и потому не требует пространных комментариев и обоснований. Основные направления и принципы этих реформ можно обозначить следующим образом.

Институты

Первым главным направлением осмысленных реформ должно стать создание институциональной инфраструктуры развитого общества.

Как и в случае с базовыми ценностями, вопрос о том, что первично – высокий уровень развития экономики или сопровождающая его институциональная инфраструктура, базис или надстройка, – не имеет простого и однозначного ответа. Конечно, процесс должен идти параллельно.

Пытаться отстраивать современные прогрессивные институты и ожидать от них эффективного функционирования в бедном и застойном обществе бессмысленно. Но столь же бессмысленно и уповать на то, что экономический рост на каком-то этапе автоматически приведет к появлению эффективного и некоррупцированного государственного аппарата, независимой и компетентной судебной системы, достойных развитого государства вооруженных сил и спецслужб, современной системы образования, не говоря уже об институтах осуществления экономической политики, органах надзора за банковской и финансовой системами, честной и эффективной системе органов социального обеспечения и социальной помощи и т.д. и т.п.

Поэтому первейшей задачей в повестке дня будущих реформ должны стать институциональные реформы, первые результаты которых должны стать условием, а не «конечным пунктом» любых действительно серьезных задач в экономической области. Речь идет, в частности, о реформе системы государственной службы. Не об «административной реформе» как очередном слиянии-разделении министерств и ведомств и сопутствующей перетряске кадров, а именно о реформе государственной службы, призванной коренным образом изменить систему мотивации труда государственных служащих, повысить привлекательность госслужбы для людей способных, творческих и энергичных, и одновременно резко повысить требования, предъявляемые к степени их компетентности и честности. Такая реформа должна включать в себя, помимо значимого повышения тарифных ставок, создание особой системы социальных гарантий для работников государственного аппарата, системы учета

и оценки опыта предыдущей деятельности, безупречных с точки зрения закона стимулов для карьерного роста, а также системы особой ответственности работников этого сектора за нарушение установленных для них правил, а также норм этики государственной службы. Содержание деятельности государственных органов должно быть подвергнуто более тщательной регламентации с обязательным усилением ее прозрачности и доступности для гражданского и парламентского контроля.

Далее речь должна идти о серьезных реформах в судебной системе. После того, как под прошлой деятельностью работников этой системы будет подведена черта, степень и механизм ответственности работников этой системы за неправомерные или необоснованные с точки зрения закона решения должны быть многократно усилены, равно как и ответственность за попытки подкупа или оказания давления на судебные органы, в том числе и со стороны органов исполнительной власти. Жесткость, а главное, неотвратимость наказания за любые незаконные или необоснованные судебные решения должна перевешивать любые связанные с такими решениями блага или отношения, а механизм надзора за судебными решениями должен исключить возможность доминирования в нем какой-либо одной группы интересов или политической силы. Одновременно судьям должен быть предоставлен справедливый и эффективный иммунитет, в судах должен заработать механизм пересмотра ранее вынесенных незаконных приговоров.

Затем, безусловно, неотложным является принятие и, главное, создание механизмов реализации целого ряда законов, направленных на противодействие коррупции и ор-

ганизованной преступности. Сегодня очевидно (да и весь мировой опыт подтверждает это), что обычными, универсальными методами побороть это зло, особенно в таком запущенном состоянии, невозможно. Необходимо создание для этой цели специальных органов и сил, наделенных адекватными возможностями, вооруженных нужными для этого инструментами и надлежащим юридическим обеспечением и несущих за свою деятельность особую ответственность. Все необходимые наработки и опыт, в том числе зарубежный, имеются, дело только за демонстрацией обязательной для начала этого процесса политической воли.

К числу наиболее актуальных и срочных институциональных реформ относится разработка механизма защиты свободы информации при одновременном ужесточении ответственности за злоупотребления ею. Как и во многих других сферах, здесь необходима срочная разработка четких и однозначных критериев правомочности ограничений на распространение информации и доступ к ней, с одной стороны, и привлечения к ответственности за нарушение норм права и профессиональной этики при использовании этой информации – с другой. В противном случае обществу никогда не удастся вырваться из порочного круга информационной непрозрачности и использования средств массовой информации исключительно в качестве политического и экономического оружия. Существование же этого порочного круга в состоянии похоронить любые даже самые добронамеренные усилия по реализации политических и экономических реформ.

К институциональным реформам следует также отнести давно назревшую и даже перезревшую реформу естествен-

ных монополий и ЖКХ, которую ошибочно или с недобрым умыслом пытаются свести к чисто организационным изменениям. Суть необходимой реформы – обеспечение открытости и прозрачности для внешнего контроля структур, действующих в этих областях, подменяется бесконечными дискуссиями об организационных перестройках (слиянии и разделении таких структур, создании новых, объединении в холдинги, перегруппировании и т.д.). Их результатом может быть что угодно, но не повышение прозрачности циркулирующих в соответствующих секторах финансовых потоков.

Наконец, к этому же направлению можно отнести реформу системы социального, в том числе пенсионного обеспечения, а также реформу трудовых отношений, которые призваны заложить в стране основы современного социального государства. Важность этих реформ ни в коем случае нельзя приуменьшать ссылками на общий низкий уровень доходов, ограниченность финансовых возможностей государства, особенности и трудности «переходного периода» и т.п. Сегодня наличие сильного социального государства – это не только продукт экономического развития, но и его условие: незащищенный работник, – работник, обуреваемый страхом перед немотивированным увольнением, разорительной болезнью и нищей старостью, не в состоянии стать полноценным субъектом постиндустриальной экономики нового тысячелетия.

Стимулы

Вторым направлением в рамках предлагаемой «дорожной карты реформ» должно стать создание системы стиму-

лов для долгосрочного инвестирования и сложных форм современной экономической деятельности. Нет необходимости убеждать нас в том, что чрезмерное вмешательство государства в экономику есть экономическое и социальное зло, источник неэффективности и злоупотреблений, причина нерационального делового поведения и существенного снижения темпов экономического роста по сравнению с потенциально возможными. Однако столь же очевидно, что грамотное отстраивание системы стимулов для притока ресурсов и предпринимательской энергии в сферы, предполагающие использование технически и организационно сложных схем, подразумевающие долгосрочные горизонты делового планирования и повышенные риски и потому неизбежно зависимые от уверенности в стабильно благожелательном отношении со стороны государства, является необходимым условием для возникновения новой экономики, конкурентоспособной в рамках современного мирового хозяйства. Отсутствие некомпетентного бюрократического вмешательства – это необходимое, но явно недостаточное условие для вхождения страны в число развитых постиндустриальных экономик. Другим таким условием, безусловно, является наличие в стране крупного цивилизованного бизнеса не столько свободного от государства, сколько взаимодействующего с ним по тем вопросам, где конкурентоспособность бизнеса в глобальной экономике напрямую зависит от конкурентоспособности государства, от его способности находить возможности снижать долгосрочные риски и защищать национальный бизнес от негативных факторов нерыночного характера. С этой точки зрения создание эффективных механизмов

взаимодействия между государственными институтами и бизнесом в целом, создание для последнего положительных стимулов и возможностей адаптации к стремительно меняющейся глобальной экономической среде должно стать отдельным и чрезвычайно важным направлением процесса форсированной модернизации.

Ресурсы для будущего

Третьим направлением реформ должно стать внесение существенных преобразований в секторы, способные и призванные предоставить ресурсы для будущего экономического и социального развития – в систему образования и организацию научных исследований как сферы, формирующие необходимые интеллектуальные ресурсы, и в национальный финансовый сектор, являющийся поставщиком капитала. Разговоры о необходимости серьезных реформ в этих секторах ведутся давно, число подготовленных вариантов программ соответствующих действий исчисляется десятками, но количество и, главное, качество реально предпринятых мер производят удручающее впечатление. В результате состояние этих критически важных для будущего развития сфер абсолютно неадекватно масштабам объективно стоящих перед ними задач уже сегодня является тормозом для экономического развития. Очевидно также, что эти сферы по своей природе не могут развиваться и функционировать вне рамок государственной политики и уже в силу этого должны быть в центре внимания любой программы модернизационных реформ.

Разумеется, список объектов реформаторских усилий, выдвигаемых в повестку дня задачей модернизации, не ограничивается вышеперечисленными направлениями. Так, например, совершенно отдельную тему составляет план необходимых политических реформ. Не было ничего сказано и о назревших реформах в сфере безопасности, в области внешней политики государства, в сфере народного здравоохранения. Да и в рамках каждого из затронутых направлений возможна дальнейшая детализация с уточнением перечня насущных задач и необходимых мер. Тем не менее, главная мысль всего сказанного выше состоит в том, что тезис о якобы окончании главных реформ и их доводке и урегулировании некоторых второстепенных вопросов, ложен от начала и до конца. Подлинные реформы в настоящем смысле этого слова, по существу, еще не начинались, и для того чтобы запустить их процесс, предстоит пройти долгий и трудный путь. А для этого, в свою очередь, необходимы трезвое осознание ситуации и ясная и однозначная политическая воля.

Кому делать реформы – проблема элиты

Серьезный профессиональный анализ провалов реформ 90-х и их катастрофических последствий позволяет сформулировать ответ на вопрос «что надо и чего не надо делать», «как надо делать реформы в России». Но в ответе на вопрос «кто будет делать реформы» кроется главная трудность. Сегодня главное препятствие успешной мо-

дернизации – не столько состояние массового сознания, сколько отсутствие соответствующей этой задаче элиты. Именно это (в сочетании с отсутствием понимания уроков реформ 90-х у руководства страны) стало главной причиной того, что последнее десятилетие прошло под знаком демодернизации [Явлинский (1) 2003].

Ключевые характеристики тех, кого можно было бы отнести к элите, необходимой для осуществления предлагаемых реформ:

- профессионализм (не «узкая специализация», а преобладание медиации над инверсией, опора при принятии решений на высокопрофессиональные экспертные мнения, комплексный анализ ситуации, в кадровой политике – приоритет квалификации над личными отношениями и предпочтениями);
- бескорыстие (не абсолютное бессребренничество, но иерархия ценностей, в которой честь, долг и закон выше своекорыстных интересов);
- независимость (приоритет принципов и представлений об оптимальном способе решения поставленных задач над «политической целесообразностью»);
- способность влиять на общественное мнение;
- патриотизм (увязывание своего будущего и своих интересов со своей страной).

На наш взгляд, говоря об элите в современной России, как правило, имеют в виду номенклатуру – бюрократическо-гламурный слой, живущий совсем по другим законам, к тому же, пронизанный коррупцией. Как причиной, так и следствием такой ситуации – является разрыв между обществом и государством и отечественная бюрократи-

ческая традиция, которая, фактически, не прерывалась сменой политического строя. Более того, большевистская бюрократия стала еще более могущественной, консолидированной и казуистической, чем царская. Процесс появления первых ростков постсоветской элиты на рубеже 80-х – 90-х гг. был прерван. Это было связано с двумя событиями 90-х: криминальной приватизацией (ваучеры и залоговые аукционы), а также коррумпированием ее в период выборов 1996 г. «Обмен» своего положения у людей, способных независимо и профессионально влиять на принятие ключевых решений о будущем страны, на сомнительную ответственность, власть и большие, в основном, грязные деньги привел к исчезновению перспективы формирования элиты и торжеству номенклатуры. Это еще одно тяжелейшее для страны последствие «рыночных реформ».

Однако мы не намереваемся пересматривать подходы, устоявшиеся в теории элит, социологии и политологии. Лишь подчеркиваем, что в рамках данной статьи исходим именно из такого понимания элиты, потому что наличие такого класса, способного вырабатывать решения о будущем страны, – необходимое условие ее развития.

Поиск ответов на этот вопрос – отдельная и самостоятельная тема.

ЛИТЕРАТУРА

1. Grondona M. (1988) Values and Development. Harvard University: Source Book.
2. Grondona M. (1990) Toward a Theory of Development. Harvard University: Author's Workshop.
3. Анисимов Е. В. (1999) Дыба и кнут. История политического сыска в России. М.: Новое литературное обозрение.
4. Афанасьев Ю. Н. (2008) Мы не рабы? Исторический бег на месте: «особый путь» России?//Новая газета. 05.12.2008.
5. Ахиезер А. С. (1991) Россия: критика исторического опыта. М.: Философское общество.
6. Ахиезер А. С. (1991) «Россия: критика исторического опыта» Том III. – М.; Изд-во ФО СССР.
7. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. (2005) История России...: конец или новое начало? М.: Новое издательство.
8. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) Доверие политикам//ВЦИОМ. База данных. <http://wciom.ru/index.php?id=169>
9. ВЦИОМ Одобрение деятельности государственных институтов//ВЦИОМ. База данных. <http://wciom.ru/index.php?id=172>
10. ВЦИОМ Интерес к политике растет или падает?//Пресс-выпуск № 1725, апрель 2011 <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111495>
11. ВЦИОМ Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще?//Пресс-выпуск № 1728, апрель 2011 <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514>
12. Глинчикова А. Г. (2009) Раскол и незавершенность русского модерна//Мир России. № 4.
13. Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Левинсон А. Г. (2009) Фоторобот российского обывателя//Мир России. № 2.
14. Данилевский И. Н. (1998) Древняя Русь глазами современников и потомков. Курс лекций. М.: Аспект Пресс.
15. Дзялошинский И. М. 70 % россиян выключили себя из жизни общества // http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/04/110405_russia_poll_dzialoshinsky.shtml

16. Докторов Б. З., Ослон А. А., Петренко Е. С. (2002) Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. М.: Издательство Института Фонда «Общественное мнение».
17. Зубаревич Н. В. (2008) Социальное пространство России//Отечественные записки. № 5.
18. Илларионов А. Н. (2010) Трудный путь к свободе//Континент. № 145.
19. Каменский А. Б. (2001) От Петра I до Павла I. М.: Российский государственный гуманитарный университет.
20. Кардозу Ф. Э., Карной М., Кастельс М., Коэн С. С., Турен А. (2010) Отчет российскому правительству от международной группы советников по социальным и политическим проблемам экономических реформ и структурных преобразований в России//Мир России. № 2.
21. Козлова Н. В. (1989) Организация коммерческого образования в России в XVIII веке//Исторические записки. Т. 117. М.: Наука.
22. Козлова Н. В. (1996) Некоторые черты личностного образа купца XVIII века (к вопросу о менталитете российского купечества)//Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. Сборник статей. М.: Институт российской истории РАН.
23. Кондрашин В. В. (2008) Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН.
24. Кондрашин В. В. (2009) Крестьянство в гражданской войне. К вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН.
25. Кончаловский А. Русская ментальность и мировой цивилизационный процесс//<http://www.polit.ru/analytics/2010/07/12/mentality.html>
26. Куприянов А. И. (1996) Представление о труде и богатстве русского купечества//Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. Сборник статей. М.: Институт российской истории РАН.
27. Медушевский А. Н. (1994) Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование. М.: Текст.
28. Медушевский А. Н. (2005) Проекты аграрных реформ в России XVIII – начала XXI вв. М.: Институт российской истории РАН.

29. Миронов Б. Н. (1999) Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин.
30. Нарочницкая Н. А. (2003) Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения.
31. Поршнева О. С. (2004) Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН.
32. Рябов А. В. Демократическое движение в современной России: истоки, состояние, причины. http://www.gorby.ru/imgrubrs.asp?art_id=25948&img=file
33. Рябов А. В. (2005) «Самобытность» вместо модернизации. Парадоксы российской политики в постстабилизационную эру. М.: Гэндальф.
34. Рябов А. В. (2010) Новый русский феодализм//Газета.ру, 28.04.2010 – <http://gazeta.ru/column/ryabov/3358748.shtml>
35. Седов П. В. (2006) Закат московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин.
36. Соловьев В. С. (2007) Что требуется от русской партии//Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. М.: Хранитель, АСТ.
37. Стиглиц Дж. (1997) Куда ведут реформы. К десятилетию начала переходных процессов//Вопросы экономики. № 7.
38. Сухова О. А. (2008) Десять мифов крестьянского сознания. Очерки по истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН.
39. Трубецкой Е. Н. (1911) Над разбитым корытом//Русская мысль – Год тридцать второй, кн. II, Москва.
40. Фроянов И. Я. (2009) Россия. Погружение в бездну. М.: Эксмо.
41. Явлинский Г. А. и др. (май, 1992) Диагноз. М.: Московские новости.
42. Явлинский Г. А. (1) (2003) Демодернизация. Современная Россия: экономические оценки и политические выводы. М.: ЭПИцентр.

43. Явлинский Г. А. (2) (2003) Периферийный капитализм. М.: Интеграл-Информ.
44. Явлинский Г. А., Брагинский С. В. (2005) Стимулы и институты. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ.
45. Явлинский Г. А. (2007) Российская экономическая система. Настоящее и будущее. М.: Медиум.
46. Яковенко И. Г. (2006) Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. М.: Прогресс-традиция.
47. Яковенко И. Г. (2008) Познание России. Цивилизационный анализ. М.: Наука.
48. Яковенко И. Г. (2009) Политическая субъектность масс. Культурологический аспект политической жизни в России. М.: Новый хронограф.

Содержание

ЛОЖЬ И ЛЕГИТИМНОСТЬ

Ложь и легитимность	5
«Уходящий» народ	5
Ложь как основа государства	9
Учредительное собрание как неиспользованный шанс	11
Нереформируемая система	14
Легитимность	20

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РЕФОРМ

Двадцать лет реформ – промежуточные итоги?	27
ЧАСТЬ I	
Экономические реформы в России – что получилось?	29
Почему так произошло?	32
<i>Игнорирование реалий советской экономической системы</i>	33
<i>Ошибки экономической политики</i>	37
<i>Мотивация власти: абстрактные цели и реальные интересы</i>	45

Нынешняя хозяйственная и политическая система России: сущность и характеристика	47
<i>Преобладание в экономике неформальных отношений</i>	48
<i>Особая роль власти в экономических отношениях</i>	50
<i>Особенности права собственности</i>	53
<i>Системный дефицит доверия и его следствия</i>	54
<i>Олигархическая структура экономики и сужение сферы действия законов конкуренции</i>	55
<i>Институционализация коррупции</i>	57
Итак, что получилось?	
Периферийный капитализм	58
<i>Возможности и пределы системы</i>	60
<i>Перспективы</i>	63
ЧАСТЬ 2	
Субъект реформ: народ и государство	66
«Уход» вместо борьбы	69
Разрыв и модернизация	71
Эволюция общества	74

Двойственность сознания: активация негатива	78
Периферийный капитализм: отсутствие перспективы	84
Что и как делать – Дорожная карта российской модернизации	89
<i>Компас для реформ</i>	91
<i>Власть</i>	94
<i>Суд</i>	98
<i>Собственность</i>	99
<i>Меры доверия</i>	102
<i>Институты</i>	104
<i>Стимулы</i>	108
<i>Ресурсы для будущего</i>	110
Кому делать реформы – проблема элиты	111
<i>Литература</i>	114

Из обсуждения статьи
«Ложь и легитимность» на сайте
радиостанции «Свобода»
([http://www.svobodanews.ru/content/
article/3547924.html](http://www.svobodanews.ru/content/article/3547924.html))

Достойный ответ всем, кто полагает,
что во всех бедах России виноват народ,
"недоросший до демократии". ...

... Безусловно, эта позиция достойна
обсуждения, и если грамотно организовать
процесс, то можно вынудить совершенно
разные партии и движения признать
нелегитимными существующие выборы и
существующие власти, требовать созыва
учредительного собрания... В конце концов
все равно дело кончится именно этим...
Вопрос только—когда, по—хорошему, или
по—плохому, с кровью или без...

Я полностью согласен с Григорием
Алексеевичем. РФ превратилось в
государство легитимизированной лжи
и "чиновников в законе". ...

... Вглядитесь в толпу... Лютость, множимая
злоба и немотивированная жестокость, это
оборотная сторона безысходности, ужаса
понимания, что ничего не светит ни тебе, ни
твоим детям ... ЭТО и сигнал для власти –
нация деградирует, а страна на краю. И все
же шансы на возвращение из тёмного
царства есть ...

Григорий Явлинский

... Государственная и национальная
идентичность – не пазл, чтобы его
собрать механически.

... Главной целью должно быть
кардинальное изменение
политической системы – создание
в России правового государства.
Задача состоит в том, чтобы достичь
этого мирно и созидательно,
не унижая ничье человеческое
достоинство.

Это потребует существенного
изменения общественной
атмосферы ... сближения народа
и государства. Словами, призывами,
обещаниями, программами,
учитывая наш опыт, уже ничего
нельзя сделать. Нужны решительные
действия. И они возможны.